Ещё не вечер...

И.И.Оружносцев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой этой документальной повести Тадеуш Рафаилович Касьянов – основоположник рукопашного боя и один из зачинателей каратэ в нашей стране. Человек очень непростой судьбы. В его жизни было всякое. Взлёты и падения, дружба и предательство, разочарования и надежда. Успехи в спорте и кино, и фальшивое обвинение, по которому его упрятали за решётку. Он выстоял. Он не сломался. Он продолжает служить Державе. Каким беспокойством, какой тревогой сейчас проникнуты его думы о России, о её Будущем. О жизни этого выдающегося и мужественного Человека, о его Времени рассказывает эта книга.

- Игорь Оруженосцев
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
  -
  - Глава 2
  - Глава 3.
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  -
  - Послесловие

Игорь Оруженосцев

Ещё не вечер…

«Если народ, переставал верить,
то государству не устоять»

Конфуций

Предисловие

Эта повесть написана по реальным событиям о людях, которые вольно или невольно в них участвовали, соответственно заняв в истории произошедшего каждый свое должное место. Где-то рукопись биографична, где-то сухо хроникальна, этого нельзя было избежать, так складывались обстоятельства, но должна читаться легко и с интересом, Думается, что многие, не только из старшего поколения, увидят себя в ней. Вся жизнь Тадеуша Рафаиловича Касьянова (а речь в книге пойдет именно о нем) – это борьба, поиски, свершения. Война, холод, разруха формировали его характер в детстве. Ещё ребенком, нечаянно попав в пионерскую организацию, продержался в ней дня три-четыре, а затем был исключен и уж больше ни в какие комсомолы, а тем паче члены КПСС никогда не совался, интуитивно чувствуя ложь, фальш, карьеризм людей из этих организаций. Он верил и надеялся, что доживет до конца Советской власти. Когда коммунистами-предателями была ликвидирована Коммунистическая партия Союза, его радости не было границ, тарантул сожрал тарантула! Но как до, так и после этих событий, он не верил, ни одному политическому лидеру и всегда оказывался прав. Он твердо убежден, что какой бы новый, любого толка, «царь» не занял кресло, народу эти политические игры и возня, кроме забот и горя, ничего не принесут. Уже много позже, встав рядом со Штурминым, навлек на себя нелюбовь Госпартаппарата и ненависть структур МВД. Бокс и воинские единоборства закалили его волю, а застенки постсоветского ГУЛАГа, сделав его инвалидом, не сломили силу духа и неиссякаемый оптимизм. Многие годы на нем лежал груз принятия решений и ответственности. Ему никогда ничего не предлагали, ему звонили только с просьбой о помощи. Когда многие из учеников Школы в буквальном смысле за его спиной оскверняли само понятие каратэ, он шел вперед, принимая на себя многочисленные удары судьбы, доказывая, что каратэ здесь ни причем. Читателю малоизвестно, что именно Касьянов с небольшим числом единомышленников сохранил для России каратэ в период никому не понятного и мрачного его запрещения с 1981 по 1989 гг., постоянно популяризируя этот вид спорта, Его реальные идеи и проекты для армии отвергались, что продолжается и сейчас. Борясь за права человека и чистоту рядов возглавляемой им Федерации, ни он сам, ни его федерация, не примкнули ни к одной политической партии,хотя попытки подмять и подтянуть под себя эту организацию, у власть

предержащих были и не раз. Коренной москвич, как истинный патриот, беззаветно любя Россию, болезненно пережил развал Союза, но не как политической структуры, а скорее как географической. Будучи истинным профессионалом, обладая даром предвидения, оставил в странах СНГ многочисленных учеников и подразделения Федерации. Апофеозом жизнедеятельности этого человека пишется создание, совместно со спортсменами – рукопашниками Латвии, Международной Федерации рукопашного боя в октябре 1995 года.

Сложись его жизнь по-другому,, может и не выжил бы он, как многие другие из его окружения тех лет и настоящего времени, но видимо, Бог сохранил его для будущего, хотя, когда писались эти строки, на Тадэуша Рафаиловича было организовано покушение, и он чудом остался жив. Теперь людей такой судьбы, живущих принципами, крайне мало и наш персонаж, видимо, один из последних могикан, этому читателю будет небезынтересно познакомиться с судьбой этого неординарного человека.

31 *декабря* 199б *года*

И.И. Оруженосцев.

Глава 1

ТЮРЬМА

(нет ничего дороже свободы, суд, Вятка)

От тюрьмы и от сумы не зарекайся

(Народная поговорка)

«Тюрьма делает слабых еще более
слабыми, а сильных более сильными»

(Тюремная поговорка)

Его арест напоминал военный детектив. Он стоял, окруженный 26-ю омоновцами, смотрел на балкон и думал, видит ли происходящее здесь внизу его жена. Он сразу же понял, что произошло, и в душе закипала злоба. В голове мелькнуло: «Если кинуться на ближайших омоновцев – стрелять не будут, слишком близко они стоят друг от друга. Но где-то в глубине билась и другая мысль:

«Зачем бежать? Ты нив чем не виноват». Подскочили два УАЗика и один широкоплечий кургузый человек в гражданском пригласил его сесть на заднее сиденье одной из машин. В машину запрыгнули омоновцы и один из них (впоследствии оказавшийся капитаном Ануфриевым) сказал, что для порядка и профилактики надо надеть наручники. Арест производил ОМОН Татарстана. Это было 24 июля 1992 г. – канун провозглашения независимости республики. Выехать С Преображенки на г. Химки они не знали как, и Таду пришлось подсказывать дорогу, чтобы быстрее добраться до места и прояснить свое положение Но раньше он попросил привести к машине жену и, когда увидел ее широко открытые испуганные прекрасные серо-голубые глаза, он прижался к ним прощальным поцелуем, предчувствуя сколько трагического будет впереди.

А в стране уже начинался разгул правового беспредела. Тадеуш даже не спросил, кто эти люди, захватившие его, т.к. доброжелатель из Казани позвонил ему за два дня до ареста, сказав, что его выехали «брать». Лишь уже в КПЗ г. Химки этот кургузый представился полковником МВД и чуть показал краешек удостоверения из нагрудного кармана пиджака. Он и его подчиненные как-то осторожно передвигались около Тадеуша, смотря на него какими-то зачумленными глазами. Все-таки Председатель федерации рукопашного боя страны, мало чего отчубучит, лучше осторожней и подальше от него, и оружие наготове. Несколько раз и полковник, и его подчиненные пытались говорить с Тадеушем и в говоре уже сразу же навязать ему его мнимую вину, но Тад ушел в себя, лицо его было бесстрастно, отвечал односложно и неинтересно для ментов. «Если снимем наручники – драться не будешь?» вдруг спросил полковник. Да… со спецподготовкой у них туго, – отметил про себя Тадеуш, – и с духом тоже». Осмотрев сумку, визитку, отобрав документы и 38 тысяч рублей (которые никогда так и не вернули), Тадеуша отвели в одну из камер шириной 2 х 2.

«Жуткие серо-сине-коричневые тона помещения, запах мочи и еще какая-то вонь заставили бы воскреснуть мертвых, но как есть, так есть», – думал про себя Тад. Четыре шконки (нары), две заняты какими-то парнями, которые предупредили, что на других могут быть клопы и вши, но была уже ночь, и Тад страшно устал и, расстелив носовой платок на подушку, он закрыл глаза и попытался проанализировать день. «Да… так красиво начался жарой, но в то же время и какой-то смутной тревогой и предчувствиями». Интуиция редко подводила его, и он ожидал, что вот-вот что-то должно произойти. Произошло вот тебе и Школа Выживания. Выживай.

Ночь пролетела быстро, уже в 4 утра его выдернули из камеры, едва дав умыться. и повезли на аэродром, объяснив, что его переправляют за его же деньги в Казань, где он, якобы, совершил преступление и что следствие будет вестись там. дополнили также, что если он дернется к побегу, то дан приказ применять оружие на поражение. Вообще Тадеуш чувствовал, что омоновцы вокруг него хотят заговорить с ним, но мешало начальство, а Тад чисто профессионально подмечал, что так, как его охраняют, он бы спокойно ушел с травмами и членовредительством для охранявших. В то же время, будучи человеком дисциплинированным, он не хотел никаких непоняток и предположил, что менты далеко зашли в своих заблуждениях. Предчувствие, что накатывается что-то большое, нехорошее, темное, не оставляло его. «Да… надо мне все это в мои 55 лет, –

думал про себя Тад, – разрушат ведь, козлы, все то, что создавалось такими трудами, а самое главное – не их руками. Разрушать-то всегда легче, чем строить».

На аэродроме подъехали прямо к самолету и заняли место, крайнее у входа; вокруг расположились вооруженные Омоновцы. Экипаж узнал Тадеуша и командир корабля спросил: «На соревнования к нам, Тадеуш Рафаилович?» Тад только улыбнулся в ответ, наручников не было видно, на прикованной руке была перекинута джинсовая куртка. Но когда прилетели в Казань, улыбок на лицах экипажа уже не было, все всё поняли, милицейские машины стояли у выхода из лайнера, мигали и орали сиренами. Как только Тада и Рамиля (молодого помощника, работавшего с Тадеушем Рафаиловичем перед арестом) посадили в машины, за ними следом поднялся милицейский вертолет, ведь везли «опасных преступников». И вся эта кавалькада понеслась на печально известное «черное озеро», еще в тридцатых годах описанное в книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», вотчину МВД Татарии.

Была суббота 25 июля 1992 г. – День провозглашения суверенитета Татарстана, нужен был громкий процесс над человеком из центра, надо показать всем, вот какие они, эти русские. Не дав опомниться, Тадеуша сразу же выдернули на допрос к следователю по особо важным делам армяно-грузинскому товарищу полковнику Арабаджану. Над его головой возвышался портрет его идейного вдохновителя, «отца народов» И.В.Сталина. Глаза Тада фиксировали каждую мелочь, даже то, что что-то положили с чайной заваркой в чайник. Но страшно хотелось пить, ведь шли уже вторые сутки мучений, а никто не предложил, ни глотка воды и, ни крошки хлеба, поэтому Тад плюнул на подозрения и хлебнул чайку. Горечь чая немного насторожила Тада, но пить хотелось сильней, и он делал глотки, еще и еще. Уже много позже выяснилось, почему быстро высыхал язык, становились красными глаза и движения принимали замедленный характер.

Мастер спорта, чемпион Европы по боксу (как он представился), «коллега» Арабаджан любил подсыпать в чаек на допросах аминазин или галаперидол, расслабляя волю и психику подследственных. Допрос начался вкрадчиво, но интуиция и многолетний опыт общения с властями подсказывали Тадеушу, что это враг, и враг серьезный, хотя пытается показаться либералом. В результате ответы прозвучали и легли в протокол округло. Тая вины за собой не чувствовал и ничего не признавал, а в конце допроса задал Арабаджану вопрос, знает ли полковник, что такое «социалистический плюрализм»? Тот ответил, что нет.

«Это когда следователи с подследственными меняются местами, – ответил Тадеуш. Забегая вперед, скажу, что и Арабаджан, и еще семеро человек, кто арестовывал Тадеуша и его учеников, сами были арестованы и провели много месяцев под следствием за коррупцию, но были отпущены такими, же ментами на свободу, "ведь ворон ворону глаз не выклюет». Пока Арабаджан не знал, что с ним произойдет в будущем, и сам позвонил жене Касьянова, чтобы приехала, но обязательно с деньгами и побольше, то ли действительно хотел за деньги освободить, но больше, пожалуй, хотел на взятке арестовать и жену Тада Десять дней провел Тадеуш на Черном озере. Особых издевательств не было, но кормили один раз в сутки и то какой-то блевотиной и, похудев на 10 кг, Тад влезал и вылезал из джинсов, не расстегивая их. Какой-то большой доброжелатель из МВД составил рацион подследственных сам, очевидно, страдая ожирением.

Из истории нашей петенциарной системы надо вспомнить, что рацион немецких концлагерей был составлен эсэсовцами по образцу и подобию советских концлагерей Многое из методики НКВД взяли наши диетологи и кабинеты красоты.

несмотря на эти первые трудности Тадеуш тренировался по два раза в день, хотя поел первый раз только на седьмой день после ареста. публика в камеру поступала разная5 но всегда присутствовала пара дятлов (стукачей). Тадеуша узнавали почти сразу же, и относились к нему с уважением, желая на будущее добра и свободы. Была еще пара допросов и Арабаджан получил ответ один в один как в первый день. Очная ставка с Беляковым (якобы потерпевший) прошла неинтересно, этот проворовавшийся ублюдок пытался обвинить Тада, которого еще до недавнего времени называл не иначе как отцом родным, во всех своих злоключениях Естественно допросы велись с обвинительным уклоном, и Тадеуша пару раз вызвал к себе даже зам. министра МВД ГГ полковник Виноградов Иван Петрович, этакий красивый гоголевский Держиморда. Он, ласково улыбаясь, пообещал, мол, не сознаешься – сделаем из тебя террориста и дадим лет восемь. «Ну как этим уродам доказать, что я не виновен, что приезжал отдохнуть, а не сводить счеты с Беляковым», думал про себя Тад. По их рожам и настрою было видно, что это бесполезно.

Президент федерации рукопашного боя Татарии Василий Зюкалин пригласил Тадеуша отдохнуть в Казани денька два-три от московских забот, и Тад принял приглашение.

1-я казанская тюрьма стояла на ушах, все уже знали, что привезли какого-то знаменитого спортсмена. «Хозяина» не было, и его принимал зам. начальника тюрьмы подполковник Кирсанов, как старого знакомого, он попросил какого-то опера закрыть

дверь на ключ, чтобы не мешали, и только тогда задал вопрос: «В чем дело, Тадеуш Рафаилович, что случилось?». Увидя, как Тадеуш пожал плечами, мол, превратности жизни, сам себе ответил: «Ну, свою невиновность Вы доказывайте следствию, а наша задача создать Вам сносные условия, – и, позвонив врачу, распорядился, чтоб диета была, и камера с деревянным полом. Провожавший до камеры охранник полушепотом сказал, что занимался здесь, в Казани, у ученика Тада: «Осторожно, в хате пара подсадных, ради Бога, осторожней, я знаю, Вас просто не взять». «Да, даже в этом темном царстве и то есть солнечные блики, – подумал про себя Тал. – Они сделали для меня все, что могли, Бог не фраер, он все видит».

В «хате» Тада встретили спокойно, предложили чаю и кусок хлеба с колбасой, что после голодовки на «Черном озере» было подарком, и выделили шконку (нары), правда, недалеко от параши, но уже вечером «смотрящий» за хатой еврей Рабинович сообщил Таду, что завтра он будет лежать у окна. На следующий день он лежал у окна, обдуваемый ветерком, – смотрел сверху шконки телевизор. Была Олимпиада в Барселоне, мелькали события, а мысли Тада текли далеко-далеко, он страшно устал и пользовался этой короткой передышкой, чтобы восстановить силы, предчувствуя, что легкого в будущем не ждать.

Тада беспокоила мысль, что делать, если менты попросят тренировать их. Ведь по тюремным законам этого нельзя делать. Он поделился этой мыслью с Рабиновичем. В хате посовещались и решили устроить встречу со «смотрящим» за корпусом – Встреча состоялась на другой день в хате 126 у «смотрящего». Им оказался старый знакомый Тада Феликс Айрулин Они познакомились на чемпионате СССР 1991 года по рукопашному бою, когда Феликс, сам, будучи неплохим боксером, с товарищами зашел к Таду засвидетельствовать свое почтение и поболтать о текущих делах. Радости (если в этих местах еще можно радоваться) и смеху не было границ. На столе появилась еда, чаек. За разговорами и воспоминаниями час пролетел как минута, и, прощаясь, Феликс назвал Тада Батей, и это прозвище таки прилипло к нему, пока он находился в тюрьме. Этот визит и то, что вся камера поголовно, включал даже стариков, уже неделю занималась каратэ, не осталось незамеченным администрацией. Еще один авторитет, правда, из другого мира, – этого для одной тюрьмы было много, и Тада решили перевести во 2-ю казанскую тюрьму.

Вообще вся эта тория с посадкой Тадеуша уже давно замышлялась силовыми, теневыми и мафиозными структурами. Интересы трех сторон совпали, дело вначале оказалось

действительно громким, но затем, в конце процесса, съехало на нет, как спущенный баллон. Эти полтора года, беспричинно проведенные в четырех тюрьмах России, дали Таду многое. Он увидел, что около 30% по отечественным источникам и около 70% по зарубежным, сидело, как говорят, бесплатно (без причины), просто следователи сводили счеты и самым наглым образом обманывали государство, создавал видимость работы, раздувая дела, устраивали геноцид собственного народа.

Общеизвестно, что ГУЛАГ не воспитал и не исправил ни одного арестанта, зато, сколько миллионов похоронено и сколько семей сделано несчастными. Страшно то, что система, созданная ГУЛАГом в России, будет нужна и будет существовать всегда: при коммунистах, демократах, фашистах, что эту систему не поколеблет ничто. И самое удивительное, что в стране, где сидел каждый десятый, об этой системе мало знают, еще меньше интересуются и думают, но это до поры, пока не грянет гром…

Во 2-й казанской тюрьме Тада бросили в дроби – так назывались хаты (камеры) с дробями 2/1, 2/2, 2/3, 2/4. Сердце слегка ушло вниз, когда хата 2/3 распростерла свои арестантские объятия. Кубатура 1,5 х 3, туалет устроен так, что с нижней шконки видно, какого цвета у тебя геморрой, опять-таки амбре (запах). То, что называется окном, забито и приварено крест-накрест сантиметровыми полосками железа и только две дырки, величиной с ноготь, излучали свет и движение воздуха. В дверях хаты окошко на запоре, через которое арестанту дают пищу, колют уколы! в зад и руку, подают грязную тряпку для мытья полов и иной раз задают вопросы. А на дверях хаты пять внутренних и висячих запоров. «Не дай Бог, пожар, – много раз проигрывал ситуации Тад, – ведь никто не придет и не побеспокоится или сгоришь или задохнешься. Да и по МВД есть указания не спасать зэков, да и подследственных тоже. О ведомство всегда было гуманным. Так вот, где придется существовать, надолго ли придется здесь задержаться?» – окидывая хату взглядом, думал про себя Тад.

Вообще при любых передвижениях по тюрьмам Тадеуш старался не думать ни о доме, ни о родных гнал от себя мысли, специально создавая внутри себя пустоту, иначе сердце заходилось от боли и злобы. «За что? – спрашивал он себя иной раз. – Как много в мире зла, как приятно издеваться над человеком сильным и известным». Оставалось только терпеть, ждать и… тренироваться. Тад знал: надо быть готовым всегда, в любых условиях.

На встречу с нижней шконки, поднялся человек с крупной головой и широкими сильными плечами. Развитые надбровные

дуги и глубоко посаженные глаза говорили о жестком характере. Геннадий Грибаков – представился он, а глаза пристально и с тревогой следили за Тадом – Какой масти арестанта привела судьба в хату?» Тад бросил пожитки на шконку и с интересом взирал на этого, почти седого мужика. Да ты не волнуйся, я из мира спорта» – ответил Тад и увидел, как обмякло тело, и, как схлынула напряженность с лица зека, а в глазок наблюдали, как произойдет знакомство, как снюхаются эти два непростых человека. Но в хате было все спокойно. С Тадом были кое-какие продукты, разобрали шмотки, заварганили чаек, и потекла беседа, Геннадий был местный, уже осужденный, и ждал этапа. Человек с кошмарно тяжелым прошлым, бывший мастер спорта по вольной борьбе, был специально по заданию Министерства Внутренних дел Татарин упрятан по грязной статье. Он знал всех и вся в своем родном городе, многие лидеры группировок родились и поднимались при нем. Это была его вторая ходка (судимость) и в МВД знали, что этот человек может повернуть молодняк в любую сторону и боялись его, желая как можно скорее убрать и опорочить его. Вот с этим человеком Тад и провел пять месяцев в одной хате.

Буквально часа через два или три после появления Тада в камере открылась кормушка и дубак (охранник), не показывая своего лица, тихо произнес:

«Касьянов, это тебе», – быстро протиснул подарок- передачу и добавил: «сам знаешь, от кого!» В передаче были чай, шоколад, колбаса, сахар, сало и малява (записка). «Батя, делюсь, чем Аллах послал, не обессудь, что мало, это пока. Кого-то из твоих, вот-вот, привезут сюда тоже. Скоро постараюсь повидать тебя, Ф.» «Смотри-ка, а тебя знают, – констатировал удивленный Геннадий, – кто этот Ф.?» Тад несколько часов рассказывал Геннадию, кто он и чем занимался в жизни, и кто такой Феликс.

Затем были дни, когда зам. начальника тюрьмы майор Мезяев, нормальный мужик, позволял Таду и Феликсу встречаться в прогулочном дворике, поболтать и потренироваться. Наступили первые дни сентября 1992 г., но на допрос Тада никто не вызывал, а у Геннадия начались гонки (переживания) и он очень страдал5 так как дома осталась молодая жена и трудная дочка, которую Гена любил без памяти. Таду приходилось уговорами 14 массажем снимать его стрессовое состояние. За это время вышло несколько статей журналистки Ольги Белан в еженедельнике «Собеседник» о беспределе, творящемся в МВД Татарстана. Министерство было раздражено как это так, центральные газеты защищают преступника, и разразилось рядом ответных материалов по «делу Касьянова»10

ноября 1992 года по телевидению Татарстана показали тренировку по рукопашному бою, которую проводил Касьянов, с комментариями: «вот, мол, главный мафиозо, смотрите, чему учит». Вышли статьи Матвеева «Жертва на краю могилы» и Галимова «Стой, стрелять буду», в которой геройский опер Ануфриев захватывал Касьянова. Коллекция оружия, собранная за двадцать пять лет Касьяновыгм, значилась как орудия убийства. Но эти «уважаемые» люди – Матвеев и Галимов – очевидно не знали, что ту самую коллекцию показывали в свое время Андропову, уверяя, что, мол, есть у нас специалисты, могущие готовить наши спецподразделения и армию. Не обмолвились они и о том, что шестьдесят единиц совершенно невосполнимых экспонатов просто Их тривиально украли слонявшиеся по квартире во время обыска офицеры МВД РТ и от всего отперлись, мол, ничего и не было, и мы ничего не брали. Вот оно, комсомольское воспитание и закалка «мое – это мое, и твое – мое».

Вообще со стороны МВД Татарии было много провокаций и по части съемок скрытой камерой и по части засыла в хату провокаторов. Камеру 2/3 обложили и сбоку и сверху комитетскими и ментовскими стукачами. Но Гена превосходно разбирался во всейэтой тюремной азбуке, и они с Талом еще и еще раз доказывали ментам, что усилия их подсадных бесполезны, постоянно «выкупая» (обнаруживая и проявляя) провокаторов. Учеников и сочувствующих у Тада было море. Дубаки (охрана) помогали, как могли, пронося и еду, и малявы. Тут же связали Тада с Рамилем, которого тоже перевели сюда же и наладили дорогу (для писем). Рамиля же администрация всегда старалась посадить с самым тяжелым контингентом: то с убийцей девяти человек Шпагоновым. то с сумасшедшим убийцей, то с чеченом-убийцей, и делали это с подлой улыбкой, прекрасно зная, что нарушают внутренний распорядок и инструкцию. Но уж больно силен дух рукопашного боя, и когда убивцы видели, что делал Рамиль на тренировках в хате, то забивались по углам и молчали, правда седина скоро заблестела в волосах этого 24-летнего парня.

Допросы следака из Главной военной прокуратуры начались в начале ноября, и на каждом допросе следователь по особо важным делам полковник Александр Мельников убеждал и угрожал ученикам Тада, которые проходили по делу: «Валите все на Касьянова, он вывернется, а вас посадят». Последним он вызвал на допрос Тадеуша. Небольшого роста, худощавый с усиками-мерзавчиками нал верхней губой, с подбритыми височками, с огромным алюминиевым болтом (перстнем) на

пальце, морскими брюками-клеш и маленькой, 39 размера, ножкой на каблучке, в советской ковбойской шляпке из провинциального магазина, с громадным желанием заработать дивиденды и выдвинуться на этом деле, получить квартиру в Москве Мельников и предстал перед Тадом. Этакое голубое чудо из Главной военной прокуратуры

Тадочень быстро понял, кто перед ним – опереточный персонаж и не более, но облеченный большими полномочиями Мельников, сразу же запретил свидания с семьей и не допустил изменения меры пресечения, т. е. подписку о невыезде. Опять два безрезультатных допроса с очной ставкой с Беляковым, и Тадеуш отказался давать показания, заявив, что то, что у него спрашивает Мельников, уже было, и что он, Касьянов, ни в чем не виноват, добавив, что хотите вы или не хотите, но наши фамилии так и будут стоять до конца дней наших вместе. Мельников посчитал, что это угроза и написал докладную начальству Особенно Тада возмущало, что все это происходит как бы на вражеской территории ведь если бы это было в Москве, можно было бы привлечь общественное внимание к процессу, а тут, в Татарии, ну никого на твоей стороне, и в то же время, как сказал опер, капитан В.Н. Горшунов: «Вашим делом никто не занимается, Вас не разрабатывают» Все просьбы и жалобы, написанные Тадом и его казанским адвокатом Людмилой Митрофановной Дмитриевской, возвращались к тому же Мельникову. Людмила Митрофановна посоветовала Таду подать прошение о переводе в Москву, может быть, там будет что-то по-новому.

Главная военная прокуратура упиралась, как могла, понимая, что в Москве дело может развалиться. Своими путями Тип связался с одной силовой структурой, и люди из этой структуры сделали все, что могли в том положении сделать для Тада, и наконец-то его перевели в Москву. В знаменитую «Матросскую тишину».

Вообще-то в Москве нет незнаменитых тюрем, все они построены были до революции, но за время советского режима людей погубили столько, что все тюрьмы и каторги царизма выглядели бы в сравнении просто богоугодными заведениями. Но до московской тюрьмы еще надо было доехать, а ехать- то пришлось в «столыпинском вагоне». Ведь раньше, как гоняли зеков? По знаменитому Владимирскому тракту. Коммунисты – люди с большим историческим чувством юмора, обозвали этот тракт «Шоссе Энтузиастов». Энтузиазм чего? И по какому поводу? Энтузиазма хватило на 75 лет, срок для государства вроде бы и немалый, для Вечности – пылинка. Толпа плохо одетых людей, руки-ноги в кандалах и, если здоровья хватит, то до Сахалина

пешком, русский народ долго зла не помнит, и на дорогу, где гнали арестантов, выходили люди, жалея отверженных, подкармливали и подлечивали их. Конвой никогда не мешал этой процедуре, считая происходящее делом богоугодным.

Но появился человек, который сильно подумал о своем народе, желая даже для арестантов человеческих условий, и чтоб до места быстрей доставить, и чтоб живыми были все, и хоть как-то пользу обществу принести. Придумал Столыпин перевозить арестантов вагонами – человека давно уж нет, а память о нем жива. Трудно сказать, какие порядки были в тех вагонах при Столыпине, но если кому-то доводилось проехать в «столыпине» из петербургских «Крестов» в Сибирь, то его выводили или выносили уже безнадежно больным человеком. Арестанты заболевали туберкулезом «сажали» сердце, печень, почки, мочевой пузырь. В одно купе для четверых, если его можно так назвать, охрана набивала от 12 человек до 24 и только три раза в сутки выводила в туалет, сопровождая все это матом и пинками. Откуда столько злобы у этих молодых ребят – охранников? Если у тебя есть еда – хорошо, нет – В дороге к коммунизму, как говорил дорогой «Бровеносец в потемках» Брежнев, кормить никто не обещал. Но, конечно же, арестанты и братва выручали друг друга. Очень же туго приходилось больным. В «столыпине» врачей не предусмотрено, и ты предоставлен себе и богу. Никто и никогда не вел подсчетов, сколько арестантов погибло в этих вагонах. Вот в таком вагоне, в «тройнике» (это половина купе с тремя лавками вверху, где перевозятся особо опасные, сумасшедшие и БС (бывший сотрудник), с записью в деле «перевозить отдельно», Тад прибыл в Москву. Диетологи из казанского СИЗО на дорогу дали полбуханки черного хлеба и конфетку на сутки.

Все было как в той песне «Вагон столыпинский, кругом решеточки, конвой из Вологды – не до чечёточки». Одним словом, спасибо ребятам из силовой структуры и кое-кому в казанском остроге, начиналось восьмимесячное сидение в «Тишине».

Развезя арестантов по всем тюрьмам Москвы, воронок прибыл в «Матросскую Тишину» Тадеуш был последним, кого она принимала. Рослый омоновец-офицер с усмешкой наблюдал как Тад, замерзший, на едва гнущихся ногах, вылезал из машины. Когда шлик зданию, ОМОНовец произнес презрительно: «Тяжелые статьи у тебя, мужик, сидеть тебе точно». – «Не боись, ответил Тад, – сидеть не буду, есть ведь люди честные и порядочные, даже в вашей сучьей системе», И такая вдруг злоба охватила Тада. «С каким бы удовольствием я бы тебя, волчина, сложил бы пополам», подумал Тад. ОМОНовец видно что-то почувствовал и в ответ только прогундосил типа: «Ну-ну!» После всех унизительных

процедур – шмона с раздеванием догола и заглядыванием даже в анальное отверстие, Тада препроводили в хату 609. Камера была довольно-таки большая, и Тад сразу же отметил, что можно было потренироваться, сделав несколько шагов в разные стороны. Две шконки у окна были заняты, одна, ближе к туалету, пустовала. Таду все равно, с кем было сидеть, лишь бы не с «петухами» и не с «черными». Один седой арестант из Екатеринбурга представился коммерсантом, но немного спустя Тад понял, что по ласковости и обтекаемости это подсадной ментяра. Другой арестант с хмурой рожей только что-то буркнул. Да уж где тут быть не хмурым, когда вышак корячится. Им оказался Сергей Головкин, которого потом на телевидении обозвали удавом, убивал детей, насиловал, пытал. Все это про него Тад узнал за пять минут до перевода в другую хату, а, чтобы ничего не произошло, на всякий случай держали в хате мента. Знал бы это Тад раньше, хотя бы покалечил того ублюдка. Вот в таком приятном коллективе Тад провел первые три недели.

Было начало весны, и со светлыми солнечными днями приходила надежда и уверенность. Гулять давали час, и Тад старался использовать каждую минуту тренировки на воздухе, за 40 минут набегая в тюремном дворике от двух до четырех километров, в зависимости от погоды и самочувствия. 20 минут тратил на вольный бой с тенью и на ката. Охрана всегда глазела на него и, хоть нельзя было, но спрашивала про те или иные методы тренировок. Иной раз Тад возился с арестантами, но тех быстро утомляла роль мышки. В камере Тад в основном качался всеми подсобными предметами и отрабатывал отдельные мощные связки, представляя, что нападают сразу несколько человек в непредвиденных ситуациях. Несколько раз Тип предлагал охране: «Давайте, ребята, подеремся, если боитесь один на один, то двое, давайте, трое, пятеро и с палками, побейте меня, старого. Только без дураков, и не жаловаться начальству, а то вон какие животы разъели, сами себе крутыми кажетесь».

Охрана и все эти «секьюрити» жались, переминаясь с ноги на ногу, но никто, ни разу не дернулся. Как-то тренирующегося Тада увидел зам. начальника тюрьмы и спросил: «Зачем так сильно тренируетесь?». Тад, пошутил в ответ: «Готовлюсь к побегу, ведь мой дом отсюда всего в трех километрах». Создалась неприятная пауза, после которой его всячески старались ограничивать в движениях, но Тад строго выполнял каноны Школы, быть готовым везде и всегда. После прогулки в камере забирался на окно и сквозь щели «намордника» видел дома на реке Яузе, мгновенно захлестывала волна воспоминаний о доме, о жене, о любимых дочках. «Как им там без меня тяжело! Они, мои родные, не

сообщают о неприятностях, берегут меня, какмогут…» В дикой ярости Тад соскакивал на пол, сердце плакало невыносимыми слезами, но лицо было бесстрастным. Молча, падал он на шконку, зарывшись лицом в подушку, и лежал час-другой, успокаиваясь и выдавливая из души родные воспоминания, чтобы окончательно не сойти с ума. В такие минуты принимаются самые конкретные решения, от выполнения которых человек не откажется никогда.

Все арестанты знают, что такое гонки (переживания) и не лезут с расспросами и советами, давая человеку «перегореть» и успокоиться. Многие арестанты, сидевшие в других разных хатах, были сломлены и морально и физически. Это после допросов и очных ставок, где их избивали, а порой и калечили, поэтому Тад восстанавливал их массажем, вправлял позвонки и суставы. От него исходила какая-то особая биоэнергия, которая очень быстро успокаивала. Владея приемами Чжень-цзю терапии, снимал зубную боль, сердечные приступы, ангину, насморк, желудочные боли. Арестанты это видели, чувствовали и тянулись к нему. Конфликтов между ним и бродягами не возникало, только как-то раз «подельщик» вора в законе Багдасаряна, Дима Бакинский «наехал» на русский народ, и вот тут-то Тад взорвался: «Вы, мурлы поганые, только и живете за спиной русского народа и пользуетесь его долготерпением и еще что-то вякаете, ведь ежели что, вас сметут как пыль, и не думай, рожа неумытая, что тебя не достанут». Как это обычно и бывает в этих «заведениях», о споре и криках узнала администрация, и Дима как-то быстро исчез из хаты. Больше они не встречались. Вообще с лицами кавказской национальности уТада и его компании спортсменов бывали проблемы с молодости. Наглые и жестокие они много горя приносили и в Москве, и в других районах России, издеваясь и пользуясь долготерпением русского населения, выдавая это качество за слабость русских. Но компания и, естественно Тадеуш, приучились давать им самый жесткий отпор. Эта «любовь» к кавказцам сохранилась у друзей Тада на всю жизнь.

Тюрьма месяца как три распростилась с гкчпистами, и режим был строг, охрана ни в какие контакты не вступала и тасовала арестантов как колоду карт. Пришлось Таду посидеть и с Георгием Юзбашевым из пушкинской группировки и с Сергеем Маратовичем Мансуровым, «погоняло Мансур» (кличка), которого, немного спустя, у него на квартире застрелили омоновцы. Сын интеллигентных родителей, но вот такая трагическая судьба.

Защищать Тада приезжал с Казани Лен Васильевич Молчанов, как и Тад, тоже коренной москвич, и старый адвокат, и уже этим многое было сказано; они очень хорошо понимали друг друга, и

Тад внимательно прислушивался к мнению оценкам Льва, хотя по возрасту, они были почти ровесники. Также с Казани против Тада вел дело его важняк Мельников Он вызывал Тада на допрос и, зная, что Тад уже отказался от дачи показаний, задавал для проформы редкие вопросы, мало чего значащие для следствия поскольку дела в прямом понимании этого слова не было, Мельников и его начальник полковник Шеин Виктор Степанович, раздували его, какмогли, и уже здесь в «Матросской тишине» добавили Таду еще одну тяжелую статью 171 УК РФ – должностные преступления, за то, что Тад запретил выдавать «Трудовую книжку» Белякову, который не вернул в бухгалтерию Федерации четыре дорогих диктофона и 10 тысяч рублей из «черной» кассы. Лев Васильевич улыбнулся и произнес: «Суки и мрази. Они вместе с Шеиным, на суде статья отлетит как парша с выздоравливающей собаки».

Так оно впоследствии и случилось, но желание загрузить Тада по-крупному у следаков из Главной военной прокуратуры было огромное. Когда пришлось закрывать дело, 12 пухлых томов от 250 до 300 страниц в каждом и сплошь все «фуфель», организовала бригада следаков, возглавляемая вышеозначенным Шеиным. Провокаторство и подлость этих людей не знали границ, а ведь у них тоже есть жены и дети, и этим сукам тоже хотелось, наверное, завоевать место под солнцем. Страшно и гнусно быть, если не палачом, то хотя бы его пособником, жаль также, что таких людей, как Мельников и Шеин, не сажают в общие хаты в тюрьме и в обычные зоны, они бы очень быстро поняли, как быть ментами по жизни, живыми они бы из зоны не ушли. А ведь бывает все-таки, что и их сажают, и часто, но… в сучьи красные зоны, где они лишний кусок вымаливают себе тем же, что стучат и предают себе подобных.

В августе 1993 года Мельников объявил, что дело он закончил и даст его подписать Таду и адвокату и, что после прочтения и подписания Тадеушем, он уже будет числиться за судом. В один из дней в «Матросскую тишину» приехал Лен Васильевич Молчанов и вместе с Типом они стали знакомиться с делом и статьями, которые Типу вменялись. Их было четыре 126 УК, 71 УК, 148 УК и 218 УК. Главная военная прокуратура была полностью уверена, что свое дело она выполнила прекрасно и следаки в тиши кабинетов, хихикая, потирали руки, пусть Касьянов попробует отмыться, уж хоть какая статья, а прилипнет, а то ишь, гордый какой, мол, не виноват ни в чем, нопосмотрим, кто сильнее.

А сильнее оказалась истина… и честные люди!!!

В последние годы возле Тадеуша собралось столько

ненужных людей, столько мусора, что Тад не знал, как от них избавиться Арест Тада подействовал на многих как шоковая терапия, многие людишки отлетели сразу же, другие отошли в тень и ждали, что будет и кто победит, чтобы в нужный момент выскочить и кричать: А вот они, мы, как мы помогали, кстати, таких было особенно много. И только немногие, верные старые сэмпаи Школы остались с Тадом и как МОГЛИпомогали и словом и дедом – Володя Кругов и Валера Сухов, не считаясь со временем и деньгами приезжали к жене Тада Елене Арсеньевне наметив план действий, стараясь никогда не говорить: «Не получилось, не застал, не могу». Школа дала им многое, и вот теперь они умело возвращали то, чему учились долгие годы. Старались помочь и бойцы из более низших эшелонов Школы, и совершенно посторонние люди, которым импонировала фигура Касьянова, звонили и спрашивали куда перевести деньги. Это до глубины души трогало жену Тада и дочерей. Ведь многие отшатнулись от этой семьи, смотрели на этих женщин, как напрокаженных.

Недруги в этот момент предстали во всей красе, они ликовали. Все, с их «любимым» Учителем покончено, теперь можно спать спокойно, теперь и совесть отдохнет, а то ведь постоянно жили под гнётом, что всем, что у них есть, обязаны этому человеку, и «Дамоклов меч» не висит больше над темечком. Рома Степин, как иезуит тихонько подзуживал Семена Котляра дать самые плохие показания против Учителя, но сам ни-ни, а ведь Тад с 13 лет воспитывал Семена и с 17 – Романа, буквально в задницу толкая их в жизнь. И уж Сема постарался, раскрылся змеей подколодной. Падению этих учеников очень способствовали их жены. Сорок пять страниц лжи и грязи выпил на своего бывшего тестя подполковник Советской Армии Женя Сокуров, взлелеянный семьей Касьяновых, первый муж старшей дочери Софьи, со всей армейской непосредственностью, оказавшийся конченным подонком. Были и другие недруги, но, очевидно, умнее, которые действовали из темноты, куснут и спрячутся, а вдруг Касьянов выживет, тогда что? «Объективные» показания дал и «старый друг» Тадеуша Анатолий Николаевич Сутугин, подполковник КГБ. Саддамом Хусейном представил Тада в своих показаниях Сергей Отрубянников, ну мент он и в Африке мент, что с него, недоумка, возьмешь. Всю эту мерзость аккуратно и обстоятельно вынимал из этих людей рафинированный интеллигент «важняк»Малкович Юрий Николаевич, провокатор редчайшей квалификации. И в который раз промахнулась вся эта гнусная ватага, на суде не понадобились их Иудин показания, не смогли утопить своего сенсея, а как хотелось, как близка была радость и вот уж теперь засветились вконец. Одно дело – давать

показания один на один следаку, другое дело выступить открыто на суде, поэтому никто из них не явился на суд под разными предлогами. Одним словом, боялись, и правильно делали. Но особенно покоробило и убило Тада известие, что его, жену и девочек продала, бросила родня, которую он трепетно любил, жалел и всячески оберегал, собираясь быть их опорой в старости. За полтора года не было сделано ни одного движения в сторону семьи Тада, ни звонка по телефону, ни рубля, ни посылки, ни ласкового слова. Верный сын партии и большой педагог, родной дядька Тада, продержав у порога Софью и Настю, вякнул «Я знал, что этим кончится». «Глубокая доброта участия» прозвучала в этих словах, многое Тад мог бы простить, но не это, еще один кусок мяса вырвал из души Тадеуш, зачеркнув эту страницу жизни для себя навсегда.

Но об этих людях еще много чего будет впереди, а Тад уже дело дочитал до конца и приятно был удивлен, что 12-й том весь состоял из ходатайств 90 различных федераций и учреждений о невиновности и освобождении Тадеуша. Тут были и международные федерации и сибирские казаки, и просто люди, которым была небезразлична судьба Касьянова. Мельников, последний раз, прощаясь с Тадеушем. и здесь сфарисейничал «Все-таки я желаю Вам добра, и чтобы Вы во всем сознались, Вы сильно виноваты», – произнес он. «Александр Васильевич, Вы или полностью дурак или подлец высшей марки», – ответил ему взорвавшийся Тад. Они были в кабинете одни, Мельников стоял уже одетыйу притолоки двери на выход, у Тада появилось огромное желание всадить ему прямой удар ногой в печень. «Ну и что это даст? – быстро подумал Тад. – Пусть уходит, еще не вечер, разберемся»… Так и расстались эти два разных человека. Единственно, что их объединяло – так это то, что они ненавидели друг друга.

Дело вступило в заключительную фазу, и теперь надо было ждать, какой суд возьмется рассматривать его, так как одним из «подельников» Тадеуша был армейский офицер, то судить Касьянова и К? должен был трибунал какого-либо из военных округов. В Москве это делать боялись, и процесс просто провалился бы, слишком хорошо знала общественность Тада. Да и из свидетелей не вытянуть ни слова, смотришь, дотошные журналисты раскопали бы инициаторов этой авантюры, что было бы очень нежелательно, так как стрела конфликта упираласьв концерн «Россия» и вфигуру одного из замов председателя КГБ г. Москвы, сотрудничавшего с концерном летом 1992 г. Несколько военных округов отказались принять это кляузное дело и тогда Главная военная прокуратура постаралась найти город, подальше

на севере от Москвы. Мол, там не знают Касьянова, не разберутся, потихоньку срок сунут и дело с концом, но оказалось, не все так просто.

Тада и ребят привезли в Киров (Вятка) на бывшие ноябрьские праздники в одну из самых тяжелых беспредельных тюрем, но об этом Тадеуш узнал позже, а пока шел шмон в приемной, один из зеков обслуг пристально смотрел на него и глазами подсказывал, ведь в тюрьме многое понимают с полувзгляда чтобы Тад согласился пойти помыться в тюремной бане после дороги «А чего, – думал Тад, – пойду, отдохну под горячей водичкой, в хату-то всегда успею да и устал от «столыпина», как сволочь. Чего-то физиономия у парня знакомая, где-то встречались, а где – не помню». Прапорщик отвел Тада в баню и посоветовал не спешить. Как только он закрыл дверь, открылось окно хозобслуги, и тот парень, из приемной спросил «Тадеуш Рафаилович вы меня не помните, я Андрей с юридического факультета ВИМО. (Институт военных переводчиков) Здесь в тюрьме уже знали, что Вас привезут, тюряга беспредельная в конфликты с администрацией не лезьте. Вы мойтесь, а я чаек заварю, устали, небось, с дороги-то. Я все буду знать, где Вы и в какой камере, и, как смогу, помогу, да еще один из корпусных тоже ваш ученик я слышал, он хочет Вас взять к себе в корпус»

Помывшись, Тад пил чай с Андреем и болтал о превратностях жизни, ученик снабдил сенсея буханкой свежего хлеба, сахаром и двумя килограммами жира, что особенно было ценно в Вятке начинались холода. Пожелав Таду добра на дорожку, Андрюха простился и еще раз подтвердил, что будет следить за передвижениями Тада по тюрьме и обязательно поможет. «Только осторожней, – напутствовал он, администрация – шакалы, каких свет не видел». Обнявшись, на том и расстались. Тад так и не спросил, за что здесь Андрей, да ему, в общем-то, было неважно, главное, увидел знакомое лицо, и на сердце стало теплее. Тад давно уже никого не осуждал по принципу «не судите, да не судимы будете», и даже к тяжелым преступлениям относился спокойно, видя в арестантах глубоко страдающих людей. Людям, не прошедшим тюрьму, зону, лишения, этого не суждено понять.

После бани Тада ждал сюрприз, его бросили в карцер. «Не понял, – подумал про себя Тад, – но, как есть, так есть». Вкамере было холодно. Тад осмотрелся, объем: 2,2 х 1,5, полуподвал, по стене от окна струится вода, за окнами минус. Быстро разобрав пожитки, поставил чаек и сел писать жалобу. Минут через 15-20, как только жалоба попала администрации в руки, за Тадеушем тут же пришли и перевели на первый этаж, в общую хату, там было тепло. «Экспериментируют, твари» – отметил про себя Тад,

вспоминая Андрея.

Первые дни, при походах к врачу и на прогулку, его опекало по пять-восемь человек с собаками и перекладыванием оружия из кармана в карман, так, чтобы Тад это видел. Ну, как это не раз бывало, хата тут же начала заниматься каратэ, а это очень не нравилось администрации, и Тада вновь кидают в карцер, а буквально через день ему подселяют воркутинского корреспондента Володю Брагина, которого довели по сути дела до положения бомжа. Худой, изголодавшийся, без курева и без одежды, этот человек сильно страдал, вот с ним Тад и провел где-то полтора-два месяца до суда, слышал и наблюдал, как охрана избивает и материт арестантов в соседних камерах.

Первый раз за долгие годы Тад, простудившись, сильно заболел. Он кашлял так, что, казалось, внутренности выскочат, но, ни лекарств, ни врача администрация так и не предоставила. Зам. начальника тюрьмы Ляпустин входил в хату и сразу же к батарее: «Ой, чтой-то она холодная?» – спрашивал он. Да, господин начальничек, вам-то лучше знать, ведь в коридоре-то батарея горячая. «Только этим скотам не показаться слабым», – думал Тад. Ив таком состоянии вставал и тренировался дальше. Кстати, Лен Васильевич несколько раз предупреждал Тада не прибегать к помощи врача, а то точно могут отравить перед судом, видя, что у них ничего не получается. ИТад терпел, как мог. За неделю до суда Тада перевели в общую камеру, как бы давая отдохнуть и отогреться.

По сути дела, пытки голодом, холодом, избиением существуют в настоящее время на всей территории России от Питера до Южно-Сахалинска колоссальная смертность, особенно в тюрьмах подследственные тянут ту же лямку, что и осужденные, годами дожидаясь суда. За эти кошмарные преступления никто и никогда из администрации не ответил. Общество не слушает, а правительство делает вид, что ничего не знает о беспорядках в системе Гулага. Это ни к чему хорошему не приведет, так как человек, побывавший там, особенно незаслуженно, становится лютым врагом этой системы, Правительства и отчасти общества, которое его не защитило от геноцида и беспредела, страшно все это констатировать в конце «цивилизованного» двадцатого века.

Дня за два до суда приехал адвокат Лев Васильевич и предупредил, как вести себя на суде. То же самое сделала жена Льва Васильевича Светлана Ивановна, адвокат Рамиля. На секунду в коридоре встретились с Рамилькой, страшно обрадовались друг другу, обнялись, осмотрели себя и отметили, что седины у обоих прибавилось, но дух не сломлен и оба готовы к предстоящему испытанию. И вот, наконец, этот день 14 декабря

1993 г. В комнату, где шмонают (обыскивают) вызвали сначала Тада, облапали, словно «голубые» и, естественно, ничего противозаконного не нашли. Сюда же ввели Рамиля, и он сделал традиционный легкий полупоклон Таду, как старшему и сенсэю, но видимо старшими себя считали здесь менты, и какой-то майор с необъятным животом подскочил с кулаками и заорал так на Рамиля, как будто ему что-то отрезали ниже ремня. Рамиль посмотрел на него, как Ленин на буржуазию, и раззявленное хайло мгновенно захлопнулось. Ведь могут же когда нужно помолчать. Их сковали одними наручниками, затем эта же процедура была повторена с Нестеровым и Хисматулиным (спортсменами из Казани, проходившими по «делу»), и всех вместе погрузили в «автозак».

Ехать было недолго, и Рамилька обменивался событиями, ведь так много хотелось сказать обоим, так много произошло за последние полгода и в то же время так мало. «Автозак» подогнали к самым дверям суда, и от дверей входа на второй этаж тянулась шпалера ментов и ОМОНовцев, около семидесяти человек с автоматами на изготовку. На подступах к городу ГАИшники останавливали все машины с номерами других городов. Город лихорадило, начался процесс над какими-то не местными бандитами-спортсменами. Обывателю было страшно, непонятно и интересно. Ведь буквально за неделю до суда статья москвички Татьяны Корупаевой, корреспондента из «Российской газеты» по письму одного из подсудимых, Касьянова, о порядках в тюрьме и о ее «директорах» Мышагине и Ляпустине, наделала много шума в городе. Весь тираж, пришедший на тюрьму, был в одночасье уничтожен, но знакомая охрана уж одну-то газетку Таду прислала.

Потихоньку поднимаясь в зал суда, Тад вглядывался в лица ментов «Боятся ребята, вдруг что не так, ведь эти парни в наручник все такие рослые, умеют и без оружия расправиться с конкурентами так мало ли что, лучше держать пальчик на спусковом крючке, а по харям видно работать ни в хозяйстве, ни на заводах не хотят, ведь в сырую погоду поднеси мокрое полено к такой морде – вспыхнет, вот здесь, в судах, понтится, да зеков избивать, это да, это они умеют, – черт, какая чушь лезет в голову», – удивлялся Тад. В зале суда стояла клетка, туда, сняв наручники со всех, и поместили Тада, Рамиля и Хисматулина «Вот ведь твари, – ругался про себя Тад, – все самое плохое берут на сучьем западе, как зверей сажают в клетку, а говорят с тобой только, когда ты в наручниках, вот, суки, моду взяли». Присели на лавки, огляделись, в зале много народу, все ученики сидят, одни прикрывают лицо руками, другие открыто приветствуют,

улыбаются и тычут пальцами в первую скамью, где сидел с женой и братом, якобы «потерпевши» Беляков, жестами показывая, что бы они с ними сделали. Совсем рядом от Тада присела его жена и старшая дочь – Тад переглядывался с ними и шептал ласковые слова поддержки, что их любит, и что бы не было – страшно рад их видеть. Также рядом сидела Таня Корупаева, ее послали освещать процесс, и взглядами подбадривала Тада. Подошел адвокат Лев Васильевич и предупредил, что председатель суда Никитенко – мужик нормальный, никаких жалоб писать не будем. На том и порешили. Тад успокоился, и все вместе стали ждать начала суда.

После выполнения всех юридических формальностей судья, полковник Никитенко, приступил к опросу «потерпевшего» Белякова, и Тад понял, что Белякову здесь ловить нечего. Вопросы судьи были остро поставлены, чувствовалось, что задает их профессионал, хорошо подготовившийся к процессу, Беляков пытался изворачиваться, вызывать жалость к себе, но по лицам собравшихся Тад видел, что вызывает, не знаю как у судьи, но у зала точно отвращение. К концу заседания первого дня Тад увидел, что Беляков сломался, да, в общем-то, он уже до суда был сломлен, приехал в бронезащитном жилете и сидел в нем на заседании суда, а когда первое разбирательство закончилось, прямо из горла вылакал бутылку водки. Раньше, работая на ликероводочном заводе, пил смертным боем, став работать и тренироваться в Школе, пить бросил, но перед судом вновь запил горькую.

Закончился первый день суда и перед тем, как увезти Тада в тюрьму, было несколько минут, когда ученики, облепив охрану, совали Таду и ребятам шоколад, продукты, пожимали руки, подбадривали. Все чувствовали, что Фортуна поворачивается в сторону истины. Беляков пытался в кулуарах заговаривать с ребятами, но чемпион Союза Сергей Соловьев цыкнул на них, а Белякову сказал: «Ты, мразь близко к нам не подходи, получишь в пятак». Беляков совсем загрустил.

Набитый продуктами, усталый, но довольный, Тад возвращался в камеру, распределил продукты на всех поровну и завалился спать, мысленно составляя план действий на следующий день и готовя свое выступление в последнем слове. Последующие дни мало чем отличались от первого, но в перерыве суда Тада и Рамиля охрана уводила пообедать и, дожидаясь обеда, Тад и Рамиль тренировались в маленьком закутке, где можно было поработать ЧИ-САО (прилипающие руки) и выполнить ката, разбив ее на несколько частей. Тад был доволен Рамилем, за полтора года сидения Рамиль сильно подтянул

технику и как-то интуитивно стал понимать упражнения из винчуна. Радости общения не было границ. Охрана, простые армейские ребята, а не менты, наливая суп в шленки (миски), старались побольше положить спортсменам мяска и не пялиться на них, давая спокойно пообедать и пообщаться.

На столе судьи все больше и больше появлялось документов и доказательств того, что Касьянов не причастен ни к одному обвинению, выдвинутому против него по четырем статьям, суд шаг за шагом понимал, что все претензии Белякова – блеф и выдумки, или откровенная ложь. Ни доказательств, ни документов или каких-либо фактов, которые хоть кто-то мог бы подтвердить, у Белякова не было, и быть не могло. Скрывая свою вероломную суть и боясь ответственности перед администрацией охранного 0бщества Эскорт», украв около 700 тысяч по ценам 1991 года, он не придумал ничего лучшего, как сообщить органам МВД Татарин, что его украли и рэкетируют. Его заявление пало на благодатную почву национализма, раздуваемого в то время в Татарстане. Нужен был громкий процесс, и вот сейчас он терпел практически крах. Суд прерывает на день свою работу для подготовки приговора.

И вот, наконец, 22 декабря 1993 года. Утро. Зал суда. Встает военный обвинитель полковник Бойко и буквально по пунктам каждой из предъявленных Таду статей обвинения отклоняет их. Председатель процесса судья Леонид Александрович Никитенко объективно поддерживает прокурора Бойко и объявляет, что по ст. 126, ст. 218 и ст. 148 УК РФ признать Касьянова невиновным за недоказанностью, а по ст. 171 УК РФ за отсутствием состава преступления. На объявлении приговора Белякова с семьей уже не было.

В зале раздались рукоплескания, когда судья произнес: «Из-под стражи освободить».

В мае 1993 года один из знакомых младшей дочери Тадеуша Анастасии, чеченец по национальности, поехал на родину, куда-то под Грозный, в аул. Там же жил деревенский юродивый, этакий блаженный колдун, предсказатель, и Алик, так звали знакомого, показал фотографию Настиного отца. Колдун сказал, глядя на фото, что этому человеку сейчас плохо, он в клетке и страдает, но в конце года он будет освобожден, его слава и известность будет большой и он будет богат. Все произошло, как предрекал блаженный.

Ученики и друзья бросились к Таду и ребятам, обнимали их, желали здоровья и счастья, сообщили, что ресторан уже заказан и ждет всех. Тал и Рамиль зашли в канцелярию забрать бумаги дела, а затем пожать руку Председателю суда и поблагодарить,

просто как человека за объективное судейство. Затем, обнявшись, расстались, чтобы скоро встретиться вновь. Рамиль поехал с мамой на родину помянуть умершую бабушку, а Тада жена и дочь с учениками потащили на вокзал, всем не терпелось скорее добраться до дома. Начинался новый этап жизни, пока неизвестно, какой.

Но… какой афронт, получив по соплям, Главная военная прокуратура не успокоилась, честь мундира дороже судьбы человека, ее не удовлетворило решение суда, и по апелляции прокуратуры было затеяно новое разбирательство, которое опять было проиграно прокуратурой с треском.

Прошло более двух лет. Жизнь Тадеуша Рафаиловича и его учеников вошла в обычную рабочую колею. Приходилось работать по 14-17 часов, как и прежде. Ведь спортивная жизнь во многих филиалах едва теплилась, и Касьянову пришлось эти два года много ездить, организовывать новые филиалы, помогая становиться на ноги старым. Таким образом, были открыты две краевые федерации рукопашного боя – Красноярская и Краснодарская, число занимающихся рукопашным боем приблизилось к цифре 50 тысяч. Всероссийская федерация рукопашного боя и Тадеуш Касьянов заключили договор с Национальным Олимпийским комитетом, разработана классификация вида и правила. Апофеозом этих славных дел было создание международной ассоциации рукопашного боя, и Касьянова вновь избрали еще на пятилетний срок Президентом Всероссийской федерации, а также Президентом Международной ассоциации. Правда, здоровье Президента после четырех советских «санаториев» было уже не то, что раньше. Большой любитель подраться, пропуская через свои руки по 5-10 человек за тренировку, спаррингуя часами, он сейчас хоть и проводил тренировки, но больше же, конечно, переключился на тренерскую работу. Через месяц после освобождения пришлось лечь в больницу и по выходу из нее Тадеуш Рафаилович с грустью узнал, что ему оформили II инвалидную

Кто ответит за сломанное здоровье, за боль и унижение родных, за украденную в большейсвоей части коллекцию холодного оружия, которую Касьянов собирал более 25 лет, ведь основные действующие лица этой драмы живы. Но есть более высокая инстанция Бог, а за все свои мерзости и предательства все равно придется платить по счетам. Пришло известие из Казани, где-то на задании в перестрелке погиб славный опер Ануфриев, бросивший когда-то фразу в статье «Стой, буду стрелять! – одной из казанских газет, – Президент улыбался, но мы были готовы ко всему». Очевидно, хорошо стрелял не он один.

А МИР УВИДИТ
Мы без тебя…
А мир не видел
Тех, кто молчал и ненавидел,
Тех, кто любил и отрицал,
Но все же… дело продолжал.
Мы без тебя…
А мир не видит
Всех позабыл и ненавидят,
Чьи мысли умные, слова
Вселяют в души крик свободы
О разразись ты, Боже! Годы
Проходят мимо, даром, зря…
Мы без тебя…
А мир то видит
Умиротворенье
Ушло… в далекое забвенье.
Покоя нет, душа – в опале.
Тоска, тревога, как устали
Все, кто навечно… за тебя.
И дело в каждом человеке
Кто понял – истину вовеки
Нельзя купить, нельзя продать,
А можно лишь ее… загнать
– Да, за решетку!
Там – ей место!
Ведь ложь, на свете
Мы без тебя…
Но мы – с тобою,
Во тьме – под тихою луною,
И ярким днем,
И в дождь, и в холод,
В сыром тумане,
В слякотъ, в грязь
Идем с тобою – не спросясь!
Мы выбор сделали, иначе…
Уже давно никто не плачет.
Все дело делают – молчат,
У нас у всех тяжелый взгляд.
На жизнь, на вещи, на природу
Но мы не делаем погоду,
Но твердо знаем, если солнце
Закроет лжи тугая грязь,
Мы будем в ней рубить оконце,

Какая б не случилась власть!
Мы без тебя…
А мир увидит
Тех, кто тебя так ненавидит,
Тех, кто продал за гроши честь.
Их покарают –
Бог ведь есть!

Анастасия Касьянова

Глава 2

ДОРОГОЙ УГОЛОК МОСКВЫ

(происхождение, старая Москва, коммуналки, люди той поры)

Родился Тадеуш в Замоскворечье, одном из сонных патриархальных уголков Москвы. Но первые воспоминания далекого детства касаются военной поры: вой сирен и бомбоубежища, заклеенные стекла и понемногу доходивший до него голод. Вся большая семья Чистяковых, кроме деда Ивана и бабушки Антонины, была эвакуирована на Урал. Тад смутно помнил детский дом, куда попал, постоянный холод в комнатах и почему-то темень, но, как объясняли взрослые, «так нужно, маскировка!» Затем почему-то стали жить у староверов, маме Тада и ее двум сестрам: Вере и Ларисе, была выделена комната. Здесь в эвакуации жить было сытнее, но порядок в доме поддерживался строгий, и сестрам постоянно давали понять, что они здесь гости, и гости нежеланные. Но жизнь есть жизнь, и мать Тада, работая и обзаводясь новыми знакомыми, решала какие-то местные проблемы. Глава семьи – старовер Кузьмич, мирился с пребыванием московских, ну а его жена Матрена и ее сестра, баба Оля, были хоть 14 строгие, но сердобольные старухи, и когда не было дома «самого», то нет-нет, подкармливали иногородних

Город Белорецк в то время был просто большим рабочим поселком, родители пахали от зари и до зари, а многонациональная детвора гоготала на улицах, убегая в лес, стоявший прямо на окраине городка, купалась в реке Белой. Тад рос чернявым крепким мальчишкой, и настолько был похож на местных, что как-то раз проходя мимо, башкирский аксакал заговорил с ним на своем языке, а когда увидел, что Тад не понимает, то присев, посадил Тада на одно колено, вытащил из-за пазухи лепешку и, разломив пополам, подал Таду, посчитав его своим. После этого на Тада меньше нападали, меньше бранили и дрались с ним. В Белорецке дислоцировались две польские дивизии, иной раз офицеры заходили в дом, и теперь уже сестры подкармливали их. Поляки грустили о своей далекой родине, и сестры как могли успокаивали их, добротой и лаской вселяли уверенность в мятущиеся души. Всем было плохо, беда

объединяет людей, воспрянули духом и поляки, и, уходя на фронт, обещали за доброту русских женщин вызвать после войны в свободную Польшу, погулять и отпраздновать победу. Но… благими намерениями устлана дорога в ад, то ли были убиты, то ли слукавили, но, ни одной весточки из «Ржечи Посполитой» в Россию не прилетело.

Войнапотихоньку откатывалась на Запад, мать Тада, съездив в командировку в Москву, решила перетаскивать семью обратно в родной город, тем более что и на Урал стал подкрадываться голод. Вернувшись из эвакуации, вся семья собралась в доме 36 по Стремянному переулку в квартире б (сейчас на этом месте стоит новый вестибюль Института имени Плеханова), правда, тетка Вера, немного пожив с мужем, вернувшимся с войны, у Чистяковых, переехала жить на станцию Лось в Подмосковье. Ту часть дома, где родился и жил Тадеуш, когда-то занимала семья священника, но НКВДешникам показалось, что служитель культа слишком хорошо живет и его, как это водилось в те годы, переселили куда-то на север, а квартиру предложили деду Ивану, но в воспитании деда сказался «синдром нищеты», побоялся Иван Иваныч взять всю хату священника, вдруг вернется, а за две комнатенки-то как-нибудь можно и отговориться. Труслив был дед Иван и быдловат. Среднюю комнату заняла какая-то жуткая еврейская воровская семья во главе с бабкой Хаей, за печкой на кухне на девяти метрах поселилась семья Любчиковых. Как они там одиннадцать человек умещались, известно было только им самим и Богу. – Батяня их, похожий на бурундука, тащил все в дом бочками и мешками, и все это стояло и воняло в кухне, вызывая междоусобицы. Тад рано был приучен помогать взрослым, и, когда, убираясь, мыл кухню и туалет, то часто через его голову летали и втыкались в дверь уборной ножи и вилки. Еврейская семья любила покачать права. Скандалы и драки были в этой квартире явлениями частыми изакономерными. Бабка Хая втихаря воровала котлеты и доливала в чужие кастрюли сырой воды вместо супа, а Любчиковы, вылезая ватагой из-за печки, начинали махаться чем под руку попадет, но вместе все это быдло не любило бабушку Тада за интеллигентность и отвращение к ссорам. В общем, в чистом виде коммуналка, коммунисты знали, что делали, сели вместе людей различного социального происхождения

Парнем Тад рос тихим, скромным, но крепким потому, что часто приходилось подрабатывать и уже в 7-8 лет Тад один двуручной пилой управлялся с кубометром дров, затем колол все этои складывал в штабель, получая за это 25 рублей в ценах до реформы 1948 года. Во дворе 36 дома жило три интеллигентных

семьи; Лебедевы, Чегисы и Чистяковы. У первых двух были девочки, и Тад со своим иностранным именем был постоянной мишенью для насмешек и драк.

Любили же некоторые родители давать своим детям имена; Ноябрина, Трактор, Пламенный, Тадеуш, совершенно забывая, что этим детям, так обозванным, идти по жизни, и что, вероятно, у них тоже будут дети, с такими жуткими отчествами. Но силен был дух новаторства и рационализма в наших предках, а как известно, родителей не выбирают, дворы тех времен были нашпигованы шпаной и прочим деклассированным элементом, ведь это было время белых шарфов и кепок-восьмиклинок с козырьком в два пальца и пуговкой на темечке. Блатные ватаги собирались на углах Стремянного, Строчинского, Шиповского переулков и под гитару бацали чечетку, распевая «Мурку» и другие воровские песенки, из которых некоторые были очень душевные и трогали Тада за живое. Тад издали наблюдал за ними, но близко не подходил. Интуитивно не веря в это блатное братство и боясь его, ведь всегда пугает неизвестность, а эти люди со своей какой-то бесшабашностью и частой жестокостью были ему непонятны, и это беспокоило.

Во дворе жили два воровских авторитета – Витя-матрос (потому что ходил в тельняшке) и Васька-безрукий, жуткая пьянь и дебошир, хватавшийся за финку даже тогда, когда скандалил с матерью. Все в округе переулков до улицы Дубининской и Павелецкого вокзала ходило под ними. Витька-матрос был страстный гоняльшик голубей, у него были какие-то особые породы, и Тад часто наблюдал, как Витька, забравшись на сарай, выпускал своих черно-чистых в синее небо. Он, Витька, знал каждую особь, как говорится, в лицо, и если какой-нибудь голубь пропадал, то блатные из других дворов отдавали Витьку его собственность, хотя это считалось честной добычей. Несколько раз Тад наблюдал разборки, ближе подходя к блатным, и те уже спокойно подпускали к себе этого чернявого мальчишку. Тад видел, как на этих «базарах» били, а иной раз и резали виновных, но обидеть малолетку было «западло», это значит, обидчик подписывал себе чуть ли не «вышку», тогда в блатной среде за этим следили строго. Иной раз собирались большие ватаги, человек по 300 и с цепями, кастетами и ножами ехали выяснять отношения в Марьину рощу, Кожухово или Косой переулок. Шпалеры (револьверы) имели только воры и, кстати, запускали в дело их крайне редко. Очень любила вся эта блатота смотреть, как дерутся мальчишки поменьше и старались часто их стравливать. Вот в эти драки пытались частенько втащить и Тада, обзывая его обидными словами и прозвищами. Тад пытался

отойти и не лезть в драки, но это не всегда получалось, потому что пристающих и нападающих всегда было больше и уж очень обидны были их действия, особенно, когда что-то отрывали от костюма Тада или пачкали. Вся эта дворовая публика прекрасно знала, что Тада дома будут ругать и не выпустят гулять на улицу. Это продолжалось годами и Тад просто не помнит, чтоб хоть когда-то он дрался с дворовыми один на один, их всегда было больше – и двое, и трое, и пятеро. Но где-то в душе Тая все-таки мужал, и один раз, когда уже было невмоготу терпеть, – дал ответ самому главному своему обидчику – Шурке Марфушкину (Любезнову)

В 1948 году в Москву стали проводить стационарный газ, не обошли этим и Стремянный переулок. Во дворе 36 дома раскопали глубокую и длинную траншею. В один из дней Тад вышел во двор погулять и присел на откос траншеи, наблюдая за сварщиками Он не заметил, как за спиной у него оказался Щурка, а газовщики, устав, присели отдохнуть, им хотелось зрелища и они потихоньку стали дразнить Тада и Шурку, а тут еще и блатные подошли, подливая масла в огонь. Шурка, чувствуя поддержку блатоты, тут же полез в драку и ударил Тада по лицу. От обиды и внезапно возникшей злобы в душе все захолонуло у Тада, и он с рычаньем кинулся на обидчика, схватив его за горло. Они балансировали на краю траншеи, пытаясь скинуть в нее друг друга, но все-таки грохнулись туда вдвоем. Тад, как безумный, не почувствовав боли, молотил Шурку с обеих рук, вдобавок на дне траншеи он оказался сверху и, уже не помня себя, шарил вокруг глазами, чем бы добить Шурку. Под руку попался кусок колючей проволоки и Тад, мгновенно обмотав горло, стал душить противника. Все кончилось бы плохо, но газовщики и блатные сами испугались за жизнь Шурки, кинулись разнимать дерущихся. Тада едва оторвали, он рвался запинать обидчика, его отвели домой, умыли, и даже бабушка не ругала его за порванное и измазанное платье.

Все! После этого случаи Тада сверстники зауважали, прекратились издевательства и драки, Тада оставили в покое, а Шурка в недалеком будущем стал даже приятелем Тада, что в жизни часто бывает после потасовки.

Прошла война, страна зализывала раны, а народ жил трудно, не хватало жилья, одежды, еды. На улицах городов появилось очень много нищих калек. Эти герои войны просто не могли работать из-за своих увечий и добывали себе пропитание тем, что собирали возле себя толпу сердобольных, простых людей и рассказывали байки, басни и невыдуманные истории. Некоторые женщины, слушая их, плакали и кидали в шапку какую-то мелочь,

Те, кому дать было нечего, хоть краюшку хлеба, но приносили этим артистам поневоле. Тад часто встречал у ограды Плехановского института героя-калеку, у которого не было обеих ног и рук. Он ездил на доске с колесиками из подшипников с сумкой на локте, грудь от плечей до ремня военного френча, который он носил, была увешана орденами имедалями, ему много подавали, хотя он был без просыпу пьян и очень смешно рассказывал басни Крытова в своей интерпретации. Девчонки-продавщицы из булочной, которая до сих пор стоит на углу Стремянного и Строченовского переулков, выносили ему довески хлеба и, пригорюнившись, слушали его, затем, смахнув слезу, уходили.

Правда это явление скоро закончилось, эти струпья войны бередили душу органам, партии и их быстро убрали в больницы и срецприюты, больше они оттуда не вышли, как-то лучше – с глаз долой, из сердца вон» – ведомство Берии жалости не знало. Все много работали, и мать Тада, уходи утром, домой возвращалась только затемно. Бабушка была очень хорошей портнихой и работала от зари до зари, чтобы хоть как-то и что-то принести на стол. Правда, магазины ломились от продуктов, но у семьи Тада не было денег, и жили очень бедно, чтоб не сказать больше. Бабушка поднимала Тада ночью, и они шли стоять в очереди за мукой, и стояли до утра, бегая из подъезда в подъезд от холода с написанными на руках номерами. Никто не возмущался, все верили, что когда-нибудь будет лучше. Было страшно, когда воровали карточки, по которым отоваривалась семьи в магазине, тут хоть под трамвай ложись. Тад ходил в обносках с чужого плеча, маек у него «ни вжисть» не было, первые длинные брюки подарила дальняя тетка в 14 лет, на гимнастерку одевался пиджак, тоже кем-то подаренный, и если зима, то шапка. Ни о каких рукавицах и пальто разговора не было. Клюшки и прочие причиндалы для игры во дворе Тад делал себе сам, как, впрочем, и многие другие. Весной и летом Тад много путешествовал по старой Москве пешком и уже после, когда та же тетка подарила тяжелый дорожный велосипед, то на нем. Его глазам открывался неизвестный зовущий мир. Стояли в развалинах церкви, но народ молился. Бабушка Тада, Антонина Ивановна, была страшно набожной и ходила в церковь на улице Ордынке к «Скорбящей Божьей Матери». Тад ходил тоже, но храм как-то подавлял его, и он часто дожидался бабушку на улице. Бабка не настаивала, все придет в свое время, и время, правда, чуть позже, но действительно пришло. Впоследствии, когда уже не было бабушки… Тад, став мастером по боксу, часто приходил в эту знакомую с детства церковь, становился где-нибудь в углу

церковного портала, наблюдая службу, слушая пение хора на клиросе. Здесь он отдыхал, мысли уносились далеко, на душе становилось легко и спокойно. Тад не молился, он еще не понимал, что когда-нибудь он и к этому придет, просто ему было хорошо, и он был рад, что никому не сделал ничего плохого.

Учился Тад отвратительно. Наверное, мешала какая-то внутренняя эмоциональная несобранность. На уроках был часто невнимателен, мысли уплывали куда-то на улицу, где он представлял, как носится с ватагой таких же пацанов по крышам сараев и разрушенных зданий. Первым в жизни его учителем был Гаврила Ильич, очевидно, фронтовик, потому что ходил в галифе, сапогах и пиджаке. Это был скромный, спокойный и сердобольный человек. Тогда в школах детей подкармливали и стоило то всего один рубль в ценах 47 года, но мать Тада даже этого не могла заплатить, потому что его, рубля, не было просто физически, семья часто голодала, и вот Гаврила Ильич, видя голодные детские глаза у окна буфета, где выдавали обед, сам платил за нескольких учеников, ласково в затылки подталкивая их к мискам. Как благодарил бы Тад этого человека сейчас и чего бы только для него ни сделал, но нет их уже в живых, этих героев быта, лишь только память бередит душу, да воспоминания. Семена доброты не пропали даром, уже много позже, когда Тадеуш стал личностью, сам старался поступать как его Учитель.

Жестокое, лживое было время, и молодняк отвечал тем же, хотя партия и комсомол прикручивали его к себе как могли, кидая в разного рода авантюры. В пионеры принимали тогда рано, где-то лет в восемь, оприходовала эта организация и компанию ребят вместе с Тадом. Но запала хватило только дня на три-четыре, что-то ребята натворили, взорвав за школой кому-то что-то, и так, же всех скопом исключили из пионеров, а Тада еще и из школы на неделю, чему он был несказанно рад.

Больше уже ни в какие красноперые структуры Тад не совался никогда в жизни.

Годах в 50-х Тад увидел фильм «Первая перчатка» и аж похолодел от восторга. Он влюбился со всей детской откровенностью в героев этого фильма и, особенно в Ивана Переверзева, сам решив заняться этим чрезвычайно трудным делом. В семье к спорту относились скептически и считали занятием несерьезным, поэтому Тад не стал никому дома говорить, что хочет записаться в секцию бокса. Вообще в Таде потихоньку стал формироваться характер постоянные драки и потасовки со сверстниками и то, что помощи ждать было неоткуда, заставляли его рассчитывать только на свои силы. Он никогда не грозил сверстникам, если не мог справиться сам, он

молча проглатывал обиду, усвоив этот принцип на всю жизнь, но если чувствовал, что справится, то давал отпор и нескольким противникам. Он потихоньку стал заглядываться на девочек, и надо было соответствовать.

Сразу после похорон «Отца народов» Тад пришел записываться в секцию бокса <Крылья Советов», что на Ленинградском шоссе, одну из кузниц Советского бокса. Тад подспудно понимал, если он среди разгула послевоенной шпаны не сможет достойно защитить себя, то как он будет защищать свою девчонку, эта мысль не давала покоя. Все это подталкивало Тала к поступкам. Таких, как он, во дворце оказалось много и Тад в этот год не попал в секцию, не попал он и в следующем, 1954 году, также, желающих было слишком много, и только в 1955 году, когда Тад стоял среди страждущей толпы подростков, ему вдруг подал мяч, попросив надуть его, один из старейших тренеров «Крыльев Советов» Михаил Паногьевич Ли – советский кореец. Насосы тогда были не в моле и Тад, попросив тренера зажать ему уши, хорошо надул мяч ртом. «Годится, – воскликнул Михаил Паногьевич, – у парня отличные легкие, в группу к дяде Мише!» Так Тад попал к старшему тренеру ДЮСШ Михаилу Соломоновичу Иткину, а проще – к дяде Мише, как того любовно называли и молодые спортсмены, и старые маститые боксеры.

Глава 3.

НОСТАЛЬГИЯ ПО БОКСУ

(бокс тех времен, учителя, спортшколы)

На лето мать отправляла Тада в пионерские и спортивные лагеря. Кормить дома было нечем, да и боязно было, что сын свяжется со шпаной. Тогда многие так делали, стараясь на две или три смены отправить детей на природу и немного подкормиться. Это были прекрасные места Подмосковья Ильинское, Кратово, Валентиновка, Домодедово, казавшиеся детям страшно далекими от Москвы, ведь возили туда ребят не на электричках, а на грузовых машинах и без сопровождающей кавалькады ментов, с одним пионервожатым или просто старшим парнем. Тад с благодарностью вспоминает женский персонал этих лагерей – Это были тетки, повидавшие жизнь, терпеливо и по матерински относившиеся к ребятам, испытавшие на себе голод и разруху. Тад вспоминал, как поварихи приходили смотреть на стол «ударников», за которым он оказался еще с двумя такими же бедолагами из неустроенных семей. Каждый из пацанов съедал по 3-4 тарелки супа, столько же второго запивая все это 10-12 стаканами компота или киселя, а тетки, рассевшись вокруг, подперев подбородки ладонями, с грустью смотрели на этих изголода8шихся ребят, незаметно вытирая слезы. Когда вся эта троица Саша Воропаев, Рудик Степочкин и Тадик Касьянов вставала из-за стола, единственная выпуклость присутствовала на их теле – желудок, в остальном же ребята были тощие, но крепкие. Первый раз Тад после войны наелся в 1950 г. Как у всех детей того времени, уних был популярен зимой хоккей, а летом футбол, но, очевидно, не из кого было выбрать игроков и его бралииграть левым полузащитником. На воротах стоял Евгений Майоров, а капитаном команды был Борис Майоров. Вот оттуда, из далекого послевоенного детства, начиналась карьера этих, впоследствии знаменитых спортсменов. Тад никогда не был левшой, почему его поставили на левой край – даже ему было непонятно, не особо талантливый в этом виде спорта, он добросовестно мешал и не давал пройти противнику по своему краю, и это у него получалось. Играли с более богатыми и

сильными лагерями Министерства обороны и всяких других министерств, нужен был результат, поэтому тренировались все свободное время.

Любовь к футболу закончилась одним событием. Борис Майоров сильно попал мячом в нос Рудольфу Степочкину, пошла кровь. Рудик полез в драку. Саня и Тадеуш вступились за Рудика, а остальная команда за Бориса. Тусанули друг друга по нескольку раз, но больше досталось троице. Так и ушли три друга из команды, это было последнее лето, когда они были вместе, затем их жизненные пути разошлись, больше они не встречались никогда. С братьями Майоровыми Тадеуш встретился нечаянно мимоходом в Госкомспорте много лет спустя. Братья холодно кивнули Таду, и Тад в душе улыбнулся, это не обидело его, он спешил в кабинет к могильщику советского каратэ Александру Михайловичу Самсонову, алма-атинскому москвичу.

Занятия футболом и то, что Тад летнее время бывал в спортлагерях, бегая, подтягиваясь на турнике, и плавая, сколько хотелось, сделали его сильным жилистым парнишкой. Но потихоньку проявляющаяся черта характера – искать что-то свое и привела его осенью 1955 г. в секцию бокса к дяде Мише Иткину. В то послевоенное время бокс был развит в Москве, Ленинграде и, может быть, Харькове, так как великие чемпионы происходили оттуда. В Москве было две кузницы советского бокса «Трудовые резервы» и «Крылья Советов». Вот «Крылышки» более чем на двенадцать лет и стали родным домом Тадеуша. В «крыльях», практиковавших бокс, было три тренера Михаил Паногьевич Ли, Михаил Соломонович Иткин и Виктор Михайлович Тренин, над всеми возвышался и руководил Виктор Иванович Огуренков, величайший тренер, которого знал и уважал весь боксерский мир. Осознавать все это Тад стал много позже, когда уже начал показывать результаты, а пока им занялся дядя Миша. Возле него крутилось много таких пацанов, как Тад и то, что впоследствии Тад стал технарем, а не нокаутером, в этом тоже основная заслуга дяди Миши. «Челночок, игра ног, левой, левой, правой» – учил он, и не только начинающие, но и повыступавшие боксеры выполняли задание беспрекословно. В группе с Тадом занимались Володя Грачев (сам впоследствии известный тренер), Юра Карпенко, Володя Певзнер. Была в секции, в зале какая-то особая мужская атмосфера мужественности, какой-то особый запах мешков, перчаток и здорового пота, которая сначала немного пугала Тала, но потом затягивала все больше и больше. Потихоньку завязывались новые приятельские отношения с ребятами. Тад старался придти на полчасика в зал пораньше и посмотреть на тренировку мастеров. Он с немым восторгом

наблюдал, как работает на ринге многократный чемпион СССР Борис Степанов и восходящая звезда, будущийолимпийский чемпион Олег Григорьев. Поскольку Тад вырастал среди женщин, то комплексов у него хватало, он страшно смущался, когда кто-нибудь из старших товарищей обращался к нему с каким-нибудь вопросом или просьбой, не знал, что ответить и как поступить. Потихоньку сбивалась группа ребят-единомышленников, которые тоже были зациклены на боксе, общие идеалы, интересы – и комплексы Тада как-то само собой стали пропадать. Позанимавшись полгода, Тад чувствовал себя много уверенней и в школе, и во дворе, к нему почти не приставали, а когда старшие ребята в переулке пробовали его толкнуть или шутливо ударить, то их руки находили пустоту. Тад легко уворачивался, нырял и с улыбкой отходил в сторону. Он понимал: еще не время. А группа, в которой занимался Тад, сплачивалась все больше и больше, появились новые имена – Виктор Фарсюк, Стас Покровский, Толя Карабанов. Они стали выступать на открытых рингах, страшно радуясь успеху, и, переживая поражения, друг друга.

Первый бой Тад запомнил на всю жизнь. Ему попался парень-одноклубник, на полголовы выше Тада и мощней сложением. Его товарищи суетились вокруг него, косо посматривая в сторону Тада, прочили победу своему другану, убеждая, что легко разделается с Тадеушем, Вокруг Тада почитателей было не меньше, все подбадривали его и желали победы. И вот они на ринге. Звучит команда «Бокс»… и тут произошло невероятное. Тад перелетел половину ринга мухой и обрушил град ударов на своего противника. Тот даже не понял, в чем дело, оказавшись на канатах. Рефери сказал: «Брейк», но Тад, не слыша команды, продолжал молотить парня. Судья едва растащил дерущихся. Второй раунд, начавшийся так же, быстро закончился, бой был остановлен в виду явного преимущества Тада. Тад, как во сне, стоял на середине ринга, а его руку поднимали в знак победы, его глаза блуждали, в душе рождались какие-то неведомые ощущения, на глазах появились слезы радости и восторга, а вокруг ринга бесновались друзья Тада, и когда он пролез под канатами, Вовка Певзнер подхватил его на руки, крича: «Ну, ты даешь, он даже не попал по тебе ни разу». Проигравший парень тоже подошел и, поздравив Тада с победой, спросил: «Какой у тебя бой?» и, узнав, что первый, удивился, сказан, что у него это четвертый, а первые три он выиграл.

Как ни странно, но бокс тех времен был совершенно иной. Тренеры очень много работали над защитной техникой, он был более игровым, зрелищным, но с хорошим завершающим ударом. Вся группа Тада была передана двум играющим тренерам, Борису

Ивановичу Тишину и Виктору Алексеевичу Лукьянову. Первый, трехкратный чемпион СССР в весе до 71 кг. Когда Борис Иванович выходил на ринг, то женщины и девушки кричали и рукоплескали ему минут пять, не давая начать соревнования. Он действительно был хорош в своей этакой мужской красоте. Где-то под метр восемьдесят ростом, смуглый, с черными волнистыми волосами, гладко зачесанными назад. С прекрасной атлетической фигурой, он представлял удивительное зрелище не только для женщин. Он обладал филигранной техникой и страшным ударом справа. Молодые боксеры боготворили его, готовы были нестись куда угодно и выполнять какие угодно его просьбы и приказания. Выступая в Европе, Борис Иванович два раза выигрывал бой у Ласло Паппа, трехкратного чемпиона Олимпийских игр, послав того в глубокий нокдаун, и только минута отдыха спасла олимпийца от полного разгрома в первом бою.

Виктор Алексеевич Лукьянов был полной противоположностью своему товарищу. Широкое русское лицо с глубоко посаженными глазами, волевым ртом и квадратным подбородком. Второе место в весе 75 кг в Союзе, он немного пренебрегал защитой, был силен и тоже обладал мощными ударами с обеих рук, был феноменально выносливи и, как говорится в профессиональном боксе, умел держать удар. Эти два человека очень много дали своим ученикам и как бойцы и как личности. Тад боготворил обоих, всегда бывал на соревнованиях, где они выступали в роли молчаливого оруженосца, и если кто-нибудь из них дарил взгляд, то Тай задумывался: «К чему бы это?» Современной молодежи этого не понять.

Первые десять боев Тай выиграл как бы играючи, шесть ввиду явного преимущества и четыре – по очкам. В школе № 554, где он учился, все знали, что Тад серьезно занимается боксом, и даже старшие ребята относились к нему с опаской и уважением. Тад пробовал затащить заниматься ребят двора, блатные посмеивались, мол, нам не надо, у нас ножи и пистолеты, все равно побьем, но подраться стадом уже не хотели. Правда, Шурка Любезнов, пойдя в ту же секцию, выполнил III разряд, но дальше не пошел и вскоре бросил заниматься боксом вовсе. Тад все дальше и дальше уходил от двора, меньше встречаясь со сверстниками, они ему были уже неинтересны.

В семье тоже назревали большие перемены. Все узнали, что бабушка Антонина Ивановна больна раком пищевода и как-то все затихло от ожидания предстоящей трагедии. Мать Тада с бабушкой переехали к Белорусскому вокзалу в Большой Кондратьевский переулок в дом 13 (теперь на этом месте стоит детский сад). Отдельный маленький домик, две комнатушки и

сарай для дров принял небольшую семью Касьяновых. Так как денег матери на жизнь не хватало, Тад решил идти работать. Он ушел из 9 класса, не оглянувшись и не пожалев, но предполагая, что когда-нибудь закончит свое образование. Устроившись на 27-й завод, стал работать фрезеровщиком, продолжая заниматься в «Крыльях», теперь это было удобно, потому что все было рядом. Бокс был развит в системе военных заводов и поощрялся отцами спорта. Выступая за коллектив Скотникова, Тад приносил очки и баллы взрастившему его заводу. Сам Скотников, человек в полувоенном френче и сапогах, где-то копируя Сталина, очень любил бокс и присутствовал на всех соревнованиях своей команды. Призерам он тут же выписывал премии и выдавал новую экипировку. Следующие десять боев Тай выиграл, уже думая головой, слыша подсказки тренера и секундантов.

Ему очень хотелось знать о боксе больше, и для этого он записался в библиотеку им. Ленина. Тад вообще очень любил читать, но особенно книги по истории и географии. В Ленинке же ему пришлось читать методическую литературу. Тад брал труды о подготовке чемпионов мира боксеров-профессионалов: Джо Луиса, Рокки Марчиано, Флойда Паттерсона, Джека Дэмиси. Он как завороженный поглощал книги об этих гигантах бокса, мысленно стараясь хоть как-то походить на своих кумиров. На тренировках Тад старался как можно меньше получать ударов в голову, тщательно отрабатывая защиту, подчинив все свободное время жесткому режиму. Но жизнь, как известно, брала свое, а в молодости так много хочется, и так мало можешь идостается. Работа стала для Тада не больше, чем хобби, а спорт становился всей жизнью.

Шел период хрущевской оттепели, жить становилось легче, да и воспоминания о вурдалачьих временах как-то потихоньку уходили в небытие. Молодость – ни с чем несравнимое состояние. Спортивный мир готовился к Олимпиаде 1956 г. в Мельбурне, а вся страна к молодежному фестивалю в Москве.

Виктор Иванович Огуренков нажимал на тренеров, чтобы лучше готовили команду, а Таду он сказал, мол, хватит дурака валять, бери курс на мастера и на Олимпийские, но в Мельбурн, естественно, Тад попасть не успел, туда поехала очень сильная команда боксеров и шестеро из девяти приехали домой чемпионами Олимпийских игр. А поехать так хотелось, ведь туда должна была прилететь звезда аргентинской эстрады и кино Лолита Торрес, по которой Тад сходил с ума, да, наверное, не только он один эту удивительно обаятельную актрису любили все. Ее песня «Коимбро – наш город чудесный» была, пожалуй, самой популярной песней того времени на планете.

Выиграв первенство центрального Совета общества «Крылья Советов» во втором полусреднем весе, Тад стал готовиться к первенству Москвы, но этому событию предшествовало еще более значимое событие – Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 г. Такого праздника практически никогда не было в нашей стране. Ожидая много удивительного хорошего и необычного, многие не знали, как к нему отнестись. КГБ и МВД «стояли на ушах», но это не мешало происходить казусам всякого рода, ведь народ-то наш, задерганный и задавленный комплексами, первый раз вот так более или менее свободно (сорвавшись с цепи коммунизма) общался с иностранцами. Ох, народ, народ ты наш русский, откровенный и простодушный! Сколько после этого фестиваля появилось детей всех цветов и опенков, сколько наших дурех осталось несчастными, Богу только известно. Тад принимал участие во многих встречах, гуляньях, но, как-то интуитивно, не сближался ни с кем и сам не лез в друзья ни к кому, ему хватало его компании боксеров – примерно в это время Тад познакомился с двумя братьями Владимирскими Адольфом и Гансом, прекрасными боксерами, и очень интересным человеком – Михаилом Варшавским. Это был уже взрослый, сложившийся мужик с невообразимо трудным неуживчивым характером, лет на 10-12 старше той компании Тада. За одесское происхождение, за морские истории, рассказанные им, за умение выходить из самых сложных ситуаций, молодняк наградил его кличками Мишель, Майкл, Шкипер. Он удивительным способом влиял на настроение ребят и в хорошую и в плохую стороны. Молодые боксеры его уважали и даже побаивались его острого языка, всезнайства и предвиденья, хотя многие легко выигрывали у него тренировочные бои. Он был очень работоспособен, но не особенно талантлив в боксе, хотя впоследствии стал чемпионом «Спартака» и Московской области, наверное, сказывался возраст, ведь он пришел в секцию в 28 лет, если не больше, а Таду и ребятам было по 18 лет.

В то прекрасное время было очень много танцевальных вечеров и всякого рода праздников, на эстрадах сверкали отечественные звезды: трубач и дирижер Эдди Рознер, король джаза и наставник многих ударников Лаци Олах. Многие из музыкантов-одногодков Тада стали впоследствии знаменитостями: Гаранян, Зубов, Лукьянов, Гареткян; убежавшие одними из первых от коммунистического режима во время гастролей в Японии Мидный и Бирукшиц. Но особенно Тад и его компания подружились с феноменальным ударником Володей Журавским (трагически погибшим впоследствии в

авиакатастрофе), бывая на всех вечерах, где играл Володя и, естественно, защищая его и его друзей музыкантов.

В те времена были модны прически под Элвиса Пресли (кок) или как их в народе называли «вшивый домик», узкие брюки и обувь на «манной каше» – толстой подошве. Идеологический отдел ЦК Партии и комсомола направлял на вечера и праздники дружинников е повязками, дабы очистить зал от носителей вредоносной капиталистической скверны. И вот эти мирифлютики, являясь на вечера, тоже целыми ватагами, резали ножницами узкие брюки, разрушали прически и тащили ребят в милицию, сообщая о приводе на работу или учебу.

Как-то раз, кажется, под праздник 7 ноября, Журавский е музыкантами наблюдали такую картину, когда дружинники (надо же обозвать эту сексотню таким хорошим русским словом) попробовали вывести из зала нескольких ребят за то, что те стали танцевать рок-н-ролл. За ребят вступилась ватага Тада, а за дружинников какая-то рабочая бригада с периферии. Ребята-спортсмены сначала увещевали работяг отстать от них, но тщетно… Несколькими ударами их отправили на пол, но особенно жестоко боксеры отделали дружинников. В зале началась всеобщая драка, в которой компания Тада чувствовала себя как рыба в воде. Правда, с вечера пришлось уходить, в дело полезли менты, но боксеры, зная все ходы и выходы «Крыльев», беспрепятственно исчезли из танцевального зала под звуки рок-н-ролла оркестра Володи Журавского.

Братья Чигирькины, Олег и Юрий, Витя Фарсюк – талантливый художник и боксер, Юра Карпенко, Вася Скворцов, Женя Бочаров, Володя Грачев и более близкая компания – Адольф и Ганс Владимирские, Шкипер, Валера Голубоцкий, Толя Карабанов, все чемпионы Москвы и не по одному разу, Станислав Покровский и Тадеуш Касьянов были удивительно чистые ребята, готовые всегда придти на помощь, надолго сохранившие это теплое чувство друг к другу. Но жизнь, как водится, разметала и эту компанию.

На осеннем чемпионате Москвы, где главным судьей был великий русский боксер Николай Федорович Королев, Тад выиграл три боя: один по очкам и два за явным преимуществом. Четвертый бой должен был состояться между ним и Восходящей звездой советского бокса Борисом Лагутиным, но врач снял Тада с соревнований. Обе брови Тада были рассечены, один глаз заплыл, а у другого покраснел зрачок. Часто работая друг с другом на тренировках, так и не выяснили в этот раз эти два одноклубника, кто есть кто, но друзьями остались. Между боями в раздевалку, где разминались боксеры, зашел Королев, проходя

мимо Тада, он спросил: «Где туалет, сынок?» И, получив ответ, потрепал Тада по плечу. Тад напомнил Николаю Федоровичу, что когда тот жил на сборах в г. Ступино в 1956 г., то на тех же сборах жил и Тад с командой старших юношей, готовившейся в ЦС «Крылья Советов». Тогда Королеву врачи запретили выступать, ему было уже 44 года, и он, как бы, присутствовал для натаскивания и поддержания духа молодых боксеров. Еще раз, ласково потрепав Тада, Королев, молча, вышел из раздевалки.

Очень важной психологической школой, особенно в подготовке к соревнованиям и умении вести себя в исключительных ситуациях, Тад считал уличные драки. Конечно на улице не все так, как в зале, все гораздо жестче и безжалостней, но зато уж если ты превалируешь на улице, то на ринге после такой подготовки много легче. Живя в Б.Кондратьевском переулке, Таду приходилось участвовать в десятках драк и разборок в Тишинских переулках, на Лесной и Ямских улицах, против разной шпаны. Под воздействием этой среды складывался и формировался характер Тада, он стал злее, безжалостнее, но это только внешне, а внутренне он оставался таким же добрым и отзывчивым парнем.

Норму мастера спорта по боксу Тад выполнил и хотел дальше продолжать свое образование, поступив в Цирковое училище, что на улице Правды, но поскандалил с одним из членов приемной комиссии – темнокожим парнем, который когда-то сыграл маленького негритенка в фильме «Чижик», а теперь на советских хлебах превратился в зазнайку. Тад кинулся на него дать ему в рожу, но подоспевшие преподаватели разняли их. Ну, какой уж тут проходной балл, да вдобавок увидели, что у Тада боксерские трусы с эмблемой «КС» и что Тад в походке подволакивает правую ногу, и решили, мол, нам боксеров, да еще хромых, не надо, хотя Тад за собой такого дефекта не замечал. Тогда Тадеуш стал поступать в Калининское художественное училище народных промыслов, что за Миусским кладбищем на стрелецких улицах, и, в общем-то, поступил. Приемная комиссия, посмотрев его рисунки, определила, что у них в училище так рисуют на третьем курсе. Но Таду опять не повезло, пришла повестка в армию.

Тогда СССР дорожил своими границами в Европе, а в Венгрии начался антикоммунистический путч. Ему помогали все, кто мог, но Советы держали большие силы на западе и не щадя своих солдат и техники конечно же задавили путч, продолжавшийся почти год. Вобщем-то США, а именно ЦРУ получило по морде так, что смеяться надоест. Вот туда, в этот котел, и должен был попасть Тад, но врачебная комиссия военкомата обратила внимание на правую ногу Тада, и на пару лет отбраковала его, да

вдобавок Тад скрыл, что он постоянно действующий, результативный боксер. Открывался простор для разного рода деятельности. Естественно бокс бросать Тад не собирался и так как в художественное училище не попал из-за армии, решил посвятить этот отрезок времени самообразованию и закреплению успеха в спорте.

Отец Стаса Покровского был каким-то важным лицом в советском посольстве в Вашингтоне и постоянно присылал сыну журналы «Ринг». «Кэтч-энд-кэч кен» о великих боксерах и кетчистах (кетч – борьба без правил), о культуристах. Вот этим зарождающимся видом спорта занялся Стас, а вместе с ним и вся их компания. Стасом нельзя было не любоваться, когда он выходил на ринг. Но боксу большие мышцы противопоказаны и Стас из-за них и из-за отсутствия дыхания стал проигрывать, что не мешало ему продолжать заниматься культуризмом. Тад тоже улучшил фигуру этими же упражнениями, ведь в молодости можно лепить из себя что захочется, было бы желание, а желание было, хотелось избавиться от комплексов, стать сильным и независимым. В этот период Тад очень много читал и собирал свою фонотеку, до самозабвения любя джазовую классику и рок-н-роллы, Тад приходил к другу художнику Володе Садковкяну в дом миллионеров на Арбате, что напротив театра Вахтангова, и в компании таких же меломанов часами слушал джаз и танцевал рок-н-ролл. С подобными ощущениями жизнь становилась богаче.

В мире бокса Тада знали, уважали и уже в который раз он хотел начать учиться, но опять пришла повестка в армию. То ли в военкомате узнали, что он действующий боксер, то ли кто-то донес, но в этот раз даже спрашивать не стали, а посмотрели на сухую, крепкую фигуру и тут же назначили номер команды. Тад со зла наговорил военкому кучу

дерзостей и поклялся, что через год они увидятся вновь. Служить Тад не хотел. Только когда он в будущем сам стал тренировать спецподразделения, Тад понял, как и почему надо служить, в нем постепенно зарождалась та самая обида за «державу», которая в глубине души дремала до сих пор.

В общем, служил Тад как бравый солдат Швейк, только тот драться не умел, да и не издевались над Швейком, как в нашей армии над новобранцами. Служить Тад попал в Латвию, в курортный город Цесис, на аэродром стратегических бомбардировщиков.

В бане, куда их привели помыться после дороги, лежал лед. Давали две шайки теплой воды, это в Латвии-то, где копни пол лопаты в землю и выступит вода. Сначала надо было снять рубашку и помыть голову и туловище, затем, надев гимнастерку,

мыть ноги и все прочее. Выйдя в предбанник, Тад застал одного из сержантов, примеряющего его джемпер. «Слушай, парень, – сказал ему Тад, – положи на место, это не твое». «Ты, салага, как со мной разговариваешь? – возмутился сержант, – да ты знаешь, что мы с тобой сделаем?» «Да ничего не сделаете, – ответил Тад, – вот видишь табуретку, все восемь углов в твою башку влетят, я тебе сказал – положи джемпер, а то в харю получишь» Рядом возмущенно зашумели «старики»: «Ну, ты сегодня вечером дождешься, москвич паскудный». Тад сделал им жест, показывающий, что видел всех их в гробу, в белых тапочках, и отобрал свою гражданскую одежду, решив, что лучше порвет, порежет ее, но этим козлам не отдаст. Так же поступили и остальные москвичи их было шестнадцать.

Вечером в казарму, переделанную из коровника, холодную и неуютную, нагрянули «старики». Разговор начался с право качания. Старики никак не могли объяснить москвичам, чем они лучше и почему «зелень» должна их слушать Тад и еще два москвича, борзых говорильщика разбивали все доводы «стариков», а когда Тад сказал, что прошел и детдом, и сходняк и по «фене» сказал несколько слов, прибавив сюда, что он мастер спорта по боксу, то «старики» стали как-то неуверенно переминаться с ноги на ногу, а в голосе появилось козлячье блеяние. Но проверить Тада все-таки решили, выставив против него здоровенного хохла-ефрейтора Старостенко весившего 96 кг, Тад в то время весил 71 кг. Чувствовал себя превосходно, это чувство поддерживалось внутренней злостью, которую Тад скрывал. Надели перчатки и договорились работать как обычно, 3 раунда по 3 минуты и стоп, если кто не выдержит.

Начался первый раунд, Тад был прекрасно подготовлен к самому жестокому бою. Сёкунд 10-15, дав ефрейтору помахать по воздуху руками, Тай быстро навес с прыжка несколько жестких ударов по корпусу с переводом на голову. Ефрейтор, как говорится в боксе, «поплыл» – нокдаун. Оптимизма в фигуре «старика» поубавилось, он ни одного

раза не попал по Тадеушу, затихли и другие «старики». Второй раунд Тад начал покровительственно и обидно улыбаясь для «стариков», вдруг резко нырнув под руку Старостенко, двумя апперкотами по печени и левым боковым хуком отправил ефрейтора на пол. Тут уж загудели все, мол, хватит, и так все ясно, но ефрейтор, желая сохранить лицо и еще на что-то надеясь, надо отдать ему должное, все-таки решил продолжать бой. Тад в буквальном смысле слова издевался над ним, жестоко избивая его, с благодарностью при этом вспоминая своих учителей и «Крылышки». В третьем раунде, отбив ефрейтору печень и сбив

дыхание, Тад расстреливал «старика» образцово-показательным способом, чтоб остальным неповадно было. Новобранцы визжали от восторга и, когда бой закончился, бросились качать москвича.

Вот так вот, личным примером уничтожался авторитет старослужащих и дедовщина. Старики ушли хмурые из казармы, а на следующее утро Тип доказал своему ротному, спесивому эстонцу, что бегает много лучше его, дистанция: 7 км по аэродрому в сапогах при двадцатиградусном морозе, очень редком для Латвии. Тад пришел в казарму первым. Но отношения с командованием батальона не сложились. Тад через пару дней ушел в самоволку, а там, убегая от патрулей, дал в рожу догонявшему его ретивому солдату и все равно ушел, но это как-то стало известно командиру, и тот вызвал Тада на разговор по душам. Тад выслушал его, сказал командиру, что он не его духовный отец, культурно послал его далеко и, повернувшись, вышел. Судьба Тада в этой части была решена. Он плохо влиял на других новобранцев и его было решено перевести в личную охрану военного коменданта г. Риги полковника Хотяшева. В обязанности роты Хотяшева входило патрулирование улиц Риги и охрана гауптвахты на Комсомольской набережной – бывшей политической тюрьмы, где сидели Калинин и Крупская, потом в этих камерах пришлось посидеть и Таду. Взводным командиром у Тада был недалекий, но интеллигентный латыш, старлей Местерс, он слезно уговаривал Тада не ходить в самоволки и не драться, но это у него не всегда получалось. В этой патрульной роте оказались неплохие ребята, никогда не выдававшие друг друга. Чуть что, и многие из них смывались в самоволки в. Соблазнов в Риге было предостаточно. Тад, памятуя «базары» блатных, что в таких войсках служить нельзя, всячески старался попасть в стройбат. Но на его просьбы о переводе начальство не отвечало, а только каждую неделю вызывало в спецчасть или идеологический отдел округа. Как-то раз в самоволке Тад зашел в Рижское СКА (этого деревянного здания уже нет) на тренировку боксеров. Тренер, спросив, у кого Тад тренировался, и, узнав квалификацию, попросил его раздеться и поспарринговать. Тад послал в нокаут их лучшего полутяжа-литовца, и тренер поставил его с чемпионом Вооруженных Сил средневесом Анатолием Ракшой; после трехраундового боя Толя разбил Таду нос, а Тад ему бровь и поставил фингал под глазом, но оба были истинными спортсменами и были не в претензии друг к другу. Тренер тут же включил Тада в сборную округа и пообещал, что похлопочет перед начальством. Но из этого ничего не вышло, армейское начальство никак не могло найти способов воздействия на Тада, и очень негативно к нему относилось.

В роте Тад дружил с одним тверским парнем Юрой Логачевым и эстонцем Юханом Куламой, вместе отваливали в самоволки в портовый клуб ДОК «Корея» и выплясывали там рок-н-ролл, которому Тад обучил ребят, вместе дрались с патрулями, вместе сидели на «губе» под присмотром своих сослуживцев. Старослужащие боялись и уважали Тада, и когда он приходил с тренировок голодный и усталый, всегда старались оставить ему что-нибудь вкусненькое и порасспрашивать, с кем Тад работал на тренировке. Служба в Риге тоже не получилась, полковник Хотяшев несколько раз вызывал Типа на беседы, разыгрывая из себя актера, хватался за сердце, искоса поглядывая на Тада. Тад молчал, и когда спектакль заканчивался, молча вставал и уходил. У Хотяшева глаза лезли на лоб.

Короче, таких, как Тад, по округу «ПрибВО» собралось 43 человека. Их месяца два повозили по Латвии, Литве и Эстонии, затем опять привезли в Латвию в местечко Залите, в болота, где строилась база межконтинентальных ракет класса «Земля – земля». Отряд, куда они попали, был слишком интернациональный, тут служил весь Кавказ и вся Прибалтика, но 43 человека были только москвичи и ленинградцы. Постоянные выяснения отношений между меньшими братьями приводили к жутким потасовкам, но Москва и Питер в большей части держали сторону Кавказа, считая всех прибалтов подлыми полуфашистами, как, впрочем, в будущем это подтвердилось. Вот так в СССР осуществлялась любовь и дружба народов. Тад понял, что если он каким-то образом не смоется из армии, то это может плохо кончиться для него. Поэтому, почитав литературу по невропатологии и усилив некоторые симптомы начинающегося в болотах Залите радикулита, Тад попал в окружной Рижский госпиталь. Невропатология – наука темная, малоизученная, Тад смог сыграть в больного и через месяц после его появления в госпитале его комиссовали с диагнозом хронический радикулит.

Десять месяцев Тада не было в Москве, из них четыре месяца, день в день, он пробыл на гауптвахте, проехал и пожил в трех республиках и Калининградской области, вынес для себя много нужного и полезного, а главное в его глазах развеялся миф о братстве и любви народов СССР. Ведь если верить вурдалаку Ульянову (Ленину), что «национализмом заражены только маленькие народы», то все они любили нас до смерти.

Когда Тад вновь становился на учет в военкомат, брови военкома приподняли фуражку.

Глава 4

МОСКОВСКИЙ ТАКСИСТ

Что-то неуловимое ушло из Москвы за время этой разлуки, и Тад внимательно присматривался – что?! Опять в магазинах появились очереди, люди стали как-то равнодушней друг к другу. Тад не понимал, как же так, он там в Прибалтике ставил Москву очень высоко, а, вернувшись, увидел, что это никому не надо. В городе прибавилось много лимиты, ведь отстраивались громадные новые районы, делалась кольцевая дорога, и, в общем-то, Москва преображалась, но в, то же время, что-то незримо происходящее в обществе, беспокоило Тада. Может быть, он стал старше, опытней и по-другому воспринимал действительность. Знакомые и друзья были рады его возвращению, приглашали в гости, на вечера, и хоть молод был еще Тад, но как-то меньше хотелось улыбаться попусту, разыгрывая из себя воспитанного человека. Надо было думать о будущем, надо устраивать свою судьбу, зарабатывать деньги. Посоветовавшись с матерью и попросив ее потерпеть немного, Тад устроился на курсы шоферов в автокомбинат на ул. Яблочкова и через три месяца закончил их.

Водить машину его учил старый московский таксист Алексей Федорович. Он с таким упоением рассказывал о старой Москве, которую знал феноменально, так интересно говорил о таксистах и их нравах, что Тад про себя решил поработать таксистом тоже. «Ты же будешь свободен как птица, – говорил Таду Алексей Федорович, – на линии тебе никто не начальник, ты сам себе хозяин». Отношения между ними установились теплые, и Алексей Федорович учил Тада своим таксистским приемам и манере вождения, изредка треская Тада по затылку за ошибки, но так, по-отечески, что Тад нс обижался, Алексей Федорович знал, кто перед ним и ему нравилось, что Тад спокойно сносил подзатыльники и критику. А он, смеясь, говорил Таду: «Ты меня не смеешь тронуть… ведь ты сильней меня!» Тад не раз добрым словом впоследствии вспоминал этого старого москвича, и уже когда Алексей Федорович был на пенсии, приезжал к нему с бутылкой какого-нибудь хорошего вина повспоминать былое.

Работать шофером Тад стал в 7-й базе легковых автомобилей в Б. Харитоньевском переулке. Ему дали неплохую «Победу», утром он возил какого- то профсоюзного босса, а вечером машина работала как такси. На линии, встречаясь со своими

сокурсниками, они делились секретами зарабатывания денег. Вообще семье Тада стало полегче, появились деньги, и можно было спокойно осмотреться. Знакомых было много, девчонок – море, и Тад не тужил, очень хотелось продолжить занятия боксом и, уладив все свои дела, Тад наконец-то снова подался в «Крылышки». В тренерском коллективе тоже произошли непонятные Таду изменения. Уже не работал и не выступал Борис Иванович Тишин, сердце Тада сжала какая-то непонятная тревога. Но зато увидел старых друзей-боксеров, подтянулись и бывшие юнцы, став мужиками, Женя Фролов и Женя Богаев прекрасно выступали, зарабатывали громкие титулы. Как раз в это время снимался фильм о боксе по рассказу Джека Лондона «Мексиканец», в главной роли – Олег Стриженов, а спарринг-партнерами стали маститые боксеры из «Крыльев» – Альберт Яковлев, Володя Ковригин, Слава Рогов, Костюкевич и братья Степановы. Этот фильм наделал много шума в прессе.

Пообщавшись с ребятами и поговорив со своим тренером Виктором Алексеевичем Лукьяновым, Тад пообещал ходить тренироваться. За время вынужденного простоя Тад потяжелел и едва сгонял вес до 75 кг. Ноги словно свинцом налились и, выступая на каких-то незначительных соревнованиях, Тад проиграл в этом весе первые два боя. Он все видел, но сделать ничего не мог, тело было, как не его и не слушалось. Удрученно он задумался о будущем. Но самым нерезультативным весом для Тада оказался вес до 71 кг. Тад провел в этом весе пять боев и все проиграл, он страшно не любил, когда его жалели, но остаться в своей любимой весовой категории до 67 кг ему не позволяла уже сама жизнь. Во время простоя Тад частенько качался штангой, гантелями, подтягивался на турнике, поэтому оброс мышцами.

На работе вроде бы было все нормально, но новые машины давали только старым водителям и знакомым, а Тада это не устраивало. Поругавшись с начальством и треснув кому-то по голове, Тад подал заявление об уходе.

Открывался новый 15-й таксомоторный парк, и Тад двинул туда. На новых машинах работать было куда приятнее, вдобавок Тад познакомился с Витьком Табулиным, жутким пройдохой, бывшим офицером Советской Армии. Тот как-то пробил перевозку почты в Ярославль и Орел и вообще был запросто с директором парка Роденвальдом, пинком ноги открывая дверь в его кабинет. Витьку тоже импонировало, что у него такой сменщик. Тад как- то раз во время ТО-1 сильно зарядил в пятак (ударил в нос) слесарю и полезшему защищать того таксисту за то, что плохо проверили машину перед выпуском на трассу. Это обстоятельство окончательно расположило Витька к Таду. Вообще

для Тада в такси опять начался период драк. Лупить приходилось и своих коллег таксистов, которые вечером после работы, приняв стакан водки в ночном буфете, рассказывали небылицы и, когда их уличали, разгоряченные вином, лезли драться и, естественно, получали так, что мало не казалось. Часто в рожу получали и клиенты за несносный характер или еще за что-то. Так что работать в такси было весело и интересно. Поездки в другие города с почтой были трудны и опасны. «Волга» не та машина, на которой можно было ездить быстро и с комфортом, да и дороги тех лет оставляли желать лучшего, но заработок у Витька с Тадом был прекрасный. Они модно одевались, в кармане на всякий случай была пачка купюр, коллеги не знали, где закончат смену: «В Киеве, на Умани или Москве». Они классно водили машины, пришел опыт общения с людьми, ребята многое могли себе позволить, а деньги давали им возможность быть независимыми, в любой среде это вызывало уважение, друзья оглядывались вокруг, какой следующий шаг им предпринять, но пока в душу и голову ничего не лезло. На тренировки Тад ходил, но как- то бокс стал терять для него первозданную прелесть, и Тад потихоньку плыл по течению, пытаясь выступать не больше двух-трех раз в год. Все так же тщательно отрабатывая защиту, стараясь беречь голову от ударов. Зажигался Тад только в уличных потасовках, но несколько раз противники пинали его ногами, и Тад с трудом и ущербом для здоровья смог пробиться через эту преграду, задумался: что-то в тактике боя надо менять. На слух попалось какое-то непонятное слово «каратэ». Сколько Тад ни спрашивал у друзей и знакомых, что это такое, никто по этому поводу ничего не знал и объяснить не мог. Так и пребывал в неведении Тад еще несколько лет, пока, наконец, случай не свел его в 1969 году с его будущим сенсеем по каратэ Алексеем Штурминым. А пока работа в такси продолжалась. Тад все более и более глубоко узнавал людские характеры, Москву, в которую был влюблен без памяти, и продолжал поддерживать форму, занимаясь боксом. Компания друзей тоже сузилась, остались рядом только самые-самые, кто пока не мог существовать друг без друга.

Глава 5

ВСТРЕЧА ДЛИНОЮ В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Жизнь постоянно продолжала преподносить сюрпризы. Пару раз Тад выступил на собрании против администрации таксопарка и его тут же пересалили с новой машины на старую, не помог даже Витя Табулин. Что делать, на линии остались клиенты, были дела, и надо было продолжать зарабатывать деньги на жизнь.

18 февраля 1965 года стоял холодный пасмурный день. С красными глазами, в пальто, извалянным в пуху, небритый и злой Тад выехал на линию. Помотавшись по городу, Тад подхватил какую-то старуху и привез по ее просьбе к институту им. Мориса Тореза, высадил и, хотел, было, тронуться, как услышал крик: «Такси, такси!» В зеркало заднего вида увидел: какая-то длинноногая девица, сломя голову, неслась к машине, отчаянно размахивая руками. «Скорее на Преображенку, у меня пожар», – выпалила она, плюхаясь на сиденье рядом. «Как поедем?» – спросил Тад, искоса поглядывая на пассажирку. «Как угодно, но быстрее», – Взмолилась она. Тад лихо вырулил от Института на Садовое кольцо и понесся по адресу. Клиентка затихла, но Тад нет-нет, кося глазом, видел, что она переживает. Когда машина с Потешной улицы повернула на 2-ую Бухвостову улицу, Тад удивился: он думал, что знает Москву, а тут на перекрестке 2-й и 3-й Бухвостовых улиц оказывается и проехать нельзя: проложена узкоколейка и ходит игрушечный паровозик. Дом оказался на месте и не сгорел. Пришла квартирантка и выключила газ. На счетчике было 1 руб. 54 коп., клиентка ушла в дом, а Тад сидел в машине и ждал, он очень устал, сказались три бессонных ночи ремонта, болел желудок, и Тад, расстегнув ремень, закрыл глаза и, откинувшись на спинку сиденья, расслабился. Его потрясли за плечо, пассажирка звала его в дом расплатиться. В комнате, держа в руке 3 рубля, она смущенно смотрела на таксиста, сказав, что они у нее последние. «Дайте мне Ваш телефон, – сказал Тад, – на счетчике немного, я Вам позвоню». А сам упорно не отрывал взгляда от складочки над верхней губой девушки. Что-то ужасно милое, домашнее, женственное было в этом лице. «Вот он – рок, вот оно, наверно, мое», – подумал, уходи Тад. Много лет спустя в том же самом призналась и Лена, у нее тоже екнуло сердце, она тоже подумала, что что-то должно произойти.

Он позвонил ей через неделю, и Лена пригласила Тада в

гости. Коротко стриженный под полубокс, с синяком под глазом, в натуральной канадской штормовке на леопардовом меху и с фиалками в кармане, Тад предстал перед Еленой, но сначала он осмотрел все подходы к дому и еще больше удивился: мимо дома, пыхтя паром, прополз паровозик, толкал перед собой вагонетки. Было такое впечатление, что все это происходит не в Москве, настолько патриархальным казалось все вокруг. Ворота дома были закрыты наглухо; спросить, туда ли он попал, было не у кого. На улице безлюдье, мороз и темень. Тад, подпрыгнув, подтянулся и перемахнул ворота, но тут из-за угла дома с яростным лаем выскочила собака, а за собакой выбежала Лена и, схватив Тада за рукав, потащила его в дом. В доме было тепло и уютно, на столе стоял торт с буквой «Т». Ощущение какого-то громадного счастья переполняло Тада весь вечер, и он понял, что будет встречаться с Леной каждый вечер.

Они поженились через четыре месяца, 17 июля 1965 года, но примерно за неделю до свадьбы Тад переехал к Лене уже насовсем. Как уже говорилось выше, дом, в котором проживала Лена, находился в очень старом районе Москвы, еще Петровских времен, о чем свидетельствовали названия улиц: Потешная, Суворовская, 9-я рота, Бугениновская. Когда-то юный царь устраивал здесь военные потехи со своими сверстниками, из которых был создан Потешный полк, а затем Преображенский и Семеновский. Улица же, где стоял дом Лены, носила имя первого русского офицера Сергея Бухвостова, который надел иностранный кафтан взамен стрелецкого. Еще более точно это место называлось «Гучки», так как земли со всеми стоящими домами принадлежали фабриканту-суконщику Гучкову. На доме, где стали жить молодожены, висела табличка: «Застрахован Варшавским обществом в 1872 г>. Надо сказать, что половину дома Лена купила у рассорившейся еврейской семьи. Глава этой семьи, бабка Лия, жила в этом доме с 1924 года и завещала его детям, а они, как это бывает, повздорили, и старшая дочь Галина продала вторую половину этого дома Лене, но с начинкой, те, со своей младшей сестрой Кларой, хотя должна была сначала её выселить. Когда Тад только женихался, он очень нравился Кларе Семеновне и ее мужу Бэру Бенциановичу, но когда эта еврейская семья поняла, что у Лены с Тадом все серьезно, Тад, тут же, стал плохим. Тад видел, что эти Матлины, будучи просто квартирантами, сильно прижимали Лену, а поскольку она жила одна, то мирилась с такими взаимоотношениями. По сучьим законам той коммунистической поры, их можно было выселить, только предоставив жилплощадь. Ишь, какое гуманное государство – решать свои проблемы за счет частника! Одним

словом, Тад создал им условия, при которых они съехали из этого дома через семь месяцев, при вящем неудовольствии жильцов второй половины дома, но Таду было глубоко наплевать на все их маланские настроения (маланец, по-одесски, еврей, картофлянец – русский).

На свадьбу Лена и Тад никого не пригласили, считая происходящее таинством двоих, а посему никого и не надо. Со стороны Лены была ее подруга Тамара Каретникова, а со стороны Тада был сменщик Витя Табулин. На улице был страшный ливень – верная примета к счастью. Витек привез пятнадцать громадных ярко-красных маков, на столе было много шампанского и две жареные утки. Родителям отбили телеграмму о происходящем. Мама Лены всплакнула от счастья, мать Тада разозлилась, ведь это был день ее рождения, ей стукнуло 50, но Лена с Тадом вечером приехали и поздравили ее с этой знаменательной датой. Для Тада начинался новый этап жизни – семейный.

После свадьбы Тад обследовал дом и прилежащий к нему сад, везде было запустенье и грязь. Надо было все приводить в порядок. Тад заасфальтировал дорожки, сам построил гараж, в саду развесил снаряды и боксерские груши, это страшно не понравилось жильцам из второй половины дома, по какой-то странной неожиданности они считали землю сада своей, пришлось Таду и их разубедить в этом. Были конфликты как у Египта с Израилем за Суэцкий канал, в результате которых соседям пришлось ходить строем от своего парадного входа до ворот.

Жить с Леной в старом доме и в этом районе очень нравилось Типу. Вокруг их дома стояли точно такие же дома соседей, резные, хоть и старые, но очень красивые. Продолжая работать в такси, Тад иногда привозил в эти переулки иностранцев и те просто балдели от первозданности этих мест, говоря, что эти дома надо брать под стеклянные колпаки и делать на этих улицах заповедники. Народ жил вокруг тоже довольно экзотичный. В 4-ом Зборовском переулке, рядом с Тадом, всю жизнь жители продавали травку (план) и наркоту. Бывало часто заезжали менты, охраняя и беря дань с продавцов. И вот накурившись и нанюхавшись этого зелья, некоторые из соседей, теряя ориентиры, пытались лазать в дом и сад к Таду. Пришлось ему пометать топоры в этих скокарей, и желание нарушить территориальный статус быстро улетучилось. Обстановка вокруг была настолько домашняя, что в тапочках переходили улицу в булочную, и добротная русская женщина, тетя Настя, советовала, какие булочки брать, а под завязку доставала из-под прилавка лимонные дольки, до которых Тад был сильно охоч, а Лена

угощала ее пирогами. Так и жили годами. Сюда, в дом к нему часто приходил его старый приятель, трехкратный чемпион Москвы по боксу Ганс Владимирский, тоже живший неподалеку в Сокольниках, около Остроумовской больницы, Вместе боксировали, работали по мешкам, качались штангой, строили планы на будущее. Но за всем этим зримо и незримо стояла Лена, она мягко и тактично внушала Таду, что свое образование надо продолжать, указывала на изъяны во взаимоотношениях Тада с приятелями. Очень быстро научившись готовить, она покоряла окружающих блюдами русской кухни по книгам Елены Ивановны Молоховец и сталинского периода. В те времена стали открываться прекрасные магазины «Дары природы», по тем деньгам в них многие продукты стоили копейки, и уж Лена с Тадом наслаждались и зубрятиной, и медвежатиной, подавая все это на стол с лесными ягодами.

Но назревало событие большой значимости. Ленуля, как ласково называл жену Тад, была беременна, и Тад вот-вот готовился стать отцом. Сонюра, как уже загодя Лена и Тад называли ребенка, если будет девочка, родилась 12 апреля 1966 года в год «огненной лошади». Софья, по-гречески, мудрая, действительно оправдала свое имя в будущем в каждом своем движении. Соня росла спокойным, крепким ребенком, удивительно похожим на отца. Тад приезжал с линии пообедать, клал Соню, завернутую в одеяло, рядом с собой на стол и кормил ее борщом, который ел сам. Медсестры приходили в ужас и стыдили родителей. Но еще с большим удовольствием Соня обсасывала хвост селедки, зажав его в кулак, и все это в четыре-пять месяцев отроду. Видно, Бог всегда был рядом с ней и дал ей красоту и здоровье.

В этот период Тад пытался постигать русскую культуру, покупая книги по искусству и истории Руси. Как ни странно, очень много пришлось купить о самом Краснодаре и окружающих его станицах, в которых наряду с жратвенными ярмарками устраивались и книжные. Тад с Леной потихоньку обходили все театры и музеи Москвы, но особенно их поразил и покорил дом художника Васнецова, где-то между Троицкой улицей и Садовым кольцом. Страшно интересной оказалась книга профессора Сытина из музея реконструкции Москвы, как какая-то завораживающая музыка звучали древние названия мест и улиц, история некоторых восходила аж к двенадцатому веку. Дом Тад тоже старался обустроить на русский лад. Как-то на Преображенском рынке Тад увидел комиссионный мебельный и забрел в него. Потолкавшись меж старой рухляди, уж собирался было уходить, но какой-то пьяный продавец, пристально взирая

на него, вдруг произнес: «Тадик, ты чо, парень, не узнаешь сваво однокашника?» и бросился Таду на шею. Оторопевший Тадеуш, напрягши память, действительно вспомнил в нем Борьку, с кем просидел за одной партой с первого по третий класс. «Что тебе надо, пойдем в запасники, покажу все»,

Счастливый Борька не знал, как услужить другу. Тад тут же купил старинный дубовый стол на 16 персом и набор из двенадцати стульев с Николаевским гербом на кожаной спинке, все за такие гроши, что было даже смешно. Обставил гостиную в стиле добротного купечества, а спальню, которую подарил Лене, – в стиле «русский ренессанс». Остальные две комнаты были детскими и убраны просто и удобно. Поскольку дом был деревянный, то летом всегда было прохладно, и царил легкий полумрак, приятный для глаз. Вообще же Тад, став отцом, как-то все больше проникался, что он – хозяин дома, а не квартиры в многоэтажном гос. общежитии.

Ведь коммунисты выхолостили из русского народа понятие «дом», и вот как бы вновь, эта традиция возрождалась в семье Тада. Он потихоньку стал собирать старинные русские народные песни, романсы и многие даже в джазовой обработке выглядели прелестными. Народный хор и оркестр под управлением Осипова приводил Тада в тихий меланхолический экстаз, он поражался широте и глубине этого пласта старинной культуры. На этой почве Тад познакомился с одной пожилой аристократкой, собирательницей русской старины, она на многое и по-новому открыла Талу глаза.

26 августа 1970 года родилась вторая дочь Анастасия, и Тад привязывается все больше к лому и семье. Вообще же этот период работы в такси и житья в этом старом доме становится одним из самых счастливых периодов жизни семьи Касьяновых. Их характеры притерлись, они беззаветно верили друг другу, что давало силы Лене переносить далеко не ангельский характер мужа. И когда возникали проблемы, порой мучительные, жена и дочери вставали за отца стеной, веря в него, надеясь на свои силы и провиденье. Они никогда не ссорились из-за себя, очень немного из-за детей, самые большие споры и конфликты возникали в жизни из-за учеников Тада. Лена интуитивно чувствовала фальшь, откровенную зависть и злобу в отношениях этих людей к Таду. Она предсказала конец многих учеников и начатых с ними дел, но всегда поддерживала Тада в каждом новом начинании, которое он поднимал, зная, что у него все получится, и, веря в него. Многих лоботрясов и просто откровенных врагов в недалеком будущем она кормила, поила и укладывала спать, требуя своими действиями одного

порядочности. Взаимностью ответили единицы. Так текла жизнь, и вот сейчас заканчивается тридцать второй год совместного бытия этой удивительной пары: они могли сутки пролежать голова к голове, не сказав друг другу ни слова, да это и не надо было делать, ведь они понимали друг друга с полувзгляда, став одним целым. Смутное время перестройки не раз и не два ударило по этой дельной, крепкой семье, остается только удивляться и преклоняться, как выстояла Елена Арсеньевна с дочерьми вместе в борьбе за родного человека.

Глава 6

СЭН'Э – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Поскольку пришлось переехать жить на Преображенку, надо было подыскивать работу где-то поближе к дому. Тал стал переводиться в 16-й, как его таксисты в шутку обзывали «Краснознаменный» парк, что на Открытом шоссе. Как это часто бывает в жизни, «желаемое вчера, сегодня приедается» – Тад устал от всего этого быдла вокруг и подумывал, куда бы смыться. Но, он знал, куда бы он, ни пришел работать водителем, таксистов очень не любят, и это обстоятельство сильно останавливало его уход. За семь лет работы в такси Тад преуспел во многом, но самое главное пришел опыт общения с людьми, и это было самое неоценимое. Часто работая допоздна, Тад знакомился со многими деятелями культуры и искусства, артистами Белокуровым, Грибовым, Леоновым; у него развилась поразительная зрительная память, он узнавал клиентов, которых возил только раз и много лет назад. Поработав в нескольких парках, многое мог бы рассказать о работе таксиста. В это же время Тад заканчивает десятилетку и курсы автомехаников по программе автотехникума для того, как им сказали, что их будут готовить начальниками гаражей в Англию, Канаду и другие страны. Но власти и коммуняки вообще много чего обещали, а «воз и ныне там!». Ему предложили стать начальником автоколонны, он отказался; предложили должность начальника гаража – опять отказ. Тад не хотел никем командовать, его удовлетворяло, что он мог себе выбрать любую смену, быть свободным, тренироваться быть с семьей и повышать самообразование. На линии у Тада происходили подчас удивительные встречи. Как-то раз ему пришлось быть гидом одной богатой американки из штата Алабама, по имени Тээн. Американка обалдела от зеленых окраин Москвы, а когда Тад привёз её домой, познакомил с Леной, то Тээн была приятно удивлена ее прекрасному английскому и наговорила Лене кучу комплиментов, не забыв, как бы невзначай упомянуть, что она расистка. Тад с Леной, смотря на удивительно стройную хрупкую фигуру дочки сенатора, хохотали до упада, представив ее в одеянии Куклускскланновцев.

Еще более удивительная встреча произошла зимой последнего года, когда Тад дорабатывал в такси. К нему в

машину прыгнул парень в дубленке с ярким галстуком типа «пожар в джунглях» и попросилотвезти в 0бщежитие ВГИКа, куда-то за ВДНХ. Разговорились, Джон Линд приехал из Англии поучиться операторскому искусству в нашем кино институте Мама у него русская из Владивостока, а папа английский лорд. Закончив у нас обучение, он получает заказ от крупной экологической фирмы снять фильмы в тридцати четырех странах. Тад доставил Джона в общежитие, и они тепло распрощались, договорившись вскорости встретиться вновь. Через какое-то время действительно встретились, и Тад впрямую спросил у Вани, как они смехом договорились называть Джона, бывал ли он в Школах каратэ там, у себя, на Западе, что это за штука и с чем ее едят. Иван как-то эмоционально и запуганно стал объяснять, что это такое, но потом, сбившись и махнув рукой, сказал Таду просто: «Я тебе в следующий раз литературу принесу!» Дело подходило к лету, Тад уже ушел из такси и работал в Мосресторан-тресте на «Москвиче-434», как его называли водители «мать-одиночка»: с одним пассажирским сидением. Машина с путевками стояла дома, это было удобно, и Тип пользовался ею как личной. Ваня Лазарев из Прибалтики, как шутливо за акцент Лена с Тадом дразнили Джона, действительно принес книгу полковника зеленых беретов Эда Паркера «Каратэ». Тад, будучи действующим боксером, удивленно смотрел на какие-то стансы, позиции, движения руками и ногами нарисованных там человечков и недоумевая, считая, что бокс эффективнее. Как уже потом стало известно Таду, это был описан жесткий стиль кун-фу «багуа», а не каратэ, но видно для издателя было все равно, «что палка, что лопата». Вот эту книгу Тад держал между сиденьями, изредка раскрывал ее и каждый раз от непонимания, возмущаясь изображениями в ней. Если бы Ваня-Джон знал, какие замечательные последствия возымеет их встреча, и эта книга послужит толчком многого, что произойдет на громадной территории государства, именуемого СССР.

Вначале августа 1969 года Тад катался на «Москвиче» от метро Сокол в сторону центра. У Скаковой аллеи какой-то худощавый додик (модный парень) тянул руку, желая поехать. «Рублишко», – объявил ему Тад. «да хоть два, только побыстрее на Каретный ряд», – попросил парень и взгляд его упал на «Багуа» Эда Паркера. «Занимаешься?» спросил у Типа парень. «Да нет, дерьмо какое-то несерьезное». «Это не дерьмо, а вещь путевая, – ответил пассажир. – Кстати, меня зовут Алексей Штурмин». Они познакомились, и Алексей сказал, что спешит сейчас к девушке и его не будет в Москве неделю, а затем они встретятся и решат спор, что сильнее: боке или каратэ, так как Тад тут же предложил

помериться силами, сказан, что он – боксер.

Через неделю они действительно встретились у ипподрома, Тад был элегантно одет, что Алексей отметил в новом знакомом, и пошли на квартиру к Алексею, она была в двух шагах. Уже дома Алексей стал объяснять Типу принципы и технику каратэ, а затем предложил Типу нападать на него. Скинув пиджаки, они стояли друг против друга, слегка улыбаясь ситуации, и Тад не видел ничего угрожающего в позе Алексея. Тад двинулся на него, и тут же ноги Алексея замелькали у лица Типа, а по туловищу он получил несколько легких ударов. Попробовав снова пробиться через зону ног, у Типа получилось то же самое. Самолюбие было сильно задето, Тад поднял руки и сказал: «Учи, я буду самым прилежным учеником, хочу знать эту штуковину!» То, что он услышал от Алексея и увидел, сильно потрясло Типа. Они стали встречаться почти каждый день, и Тад часами выспрашивал у Алексея, что и как, а дома в саду тренировался как скаженный. Он узнал у Алексея, что как-то в МАДИ тот познакомился с северокорейским мастером и тоже настолько был потрясен увиденным, что попросил мастера учить его. Кореец согласно кивнул, но сказал, чтобы Алексей пришел с партнером. Очевидно, судьбе было угодно, чтобы им оказался Слава Дмитриев, друг и приятель Алексея по институту. Взамен ребята помогали мастеру в других дисциплинах и, подружившись с Учителем, два года и восемь месяцев тренировались под его руководством. Тренировок, в понимании европейцев, не было, а это был этикет востока, философия, показ, и, в общем-то поколачивание учеников, правда, легкое, но ребята представляли, что бы с ними было, если бы мастер колотил их сильно. То, чему учил ребят мастер, было не каратэ, а жесткий стиль КВОН-ТХУ (кулак-бой), т.е. рукопашный бой в переводе, которым занималась полиция и северокорейская армия; мастер был очень продвинутый инструктор одного Даосского монастыря и занимался этой системой с детства. Обычное круглое восточное лицо, но с очень пытливым и проникновенным взглядом. Взглянув на такое лицо, на востоке говорят: «Может» и уже больше не объясняют ничего. Невысокого роста, с гладкой мускулатурой, прыгучий, очень сильный при своих габаритах, от него даже в костюме исходила какая-то притягивающая энергия и уверенность. Получив у него урок, ребята еще долго оттачивали приемы, чтобы на следующий день соответствовать. Часто мастер улыбался: он видел, ребята росли.

Но всегда в нашей жизни случается финал. Подошли к концу и встречи мастера с учениками, Не исчезая внезапно, как это водится в этих системах на востоке, мастер попросил не называть

его имя и никогда не искать его, если будет нужно, он появится сам. Тогда Алексей спросил у него, какая у них квалификация и чего они со Славой достойны? «Вы оба достойны носить черные пояса, но он у меня один», – сказав это, передал пояс Алексею.

Ребята стояли, понурив головы, но в, то же время, что-то большое и значимое рождалось в их душах от общения с Учителем, которого они уже больше никогда не увидели в жизни. Если бы он только знал, какие силы всколыхнулись им, сколько тысяч бойцов были обучены и подготовлены в стенах будущей Школы СЭН'Э (путь жизни, дорога жизни, дело всей жизни), но и ему очевидно не поздоровилось бы от своих силовых структур, если бы они поняли, кто виновник всего этого и что произошло в стране их западного соседа. Это были далекие и всегда прекрасные времена, потому, что участники этих событий были молоды: корейскому мастеру – 28, Алексею и Славе соответственно 21 и 22, а будущему руководителю Школы СЭН'Э, собирателю и продолжателю российского рукопашного боя Тадеушу Касьянову было всего 30 лет.

В сентябре 1969 года Алексей впервые приехал к Таду в дом на Бухвостову улицу и тоже поразился, как же хорошо вокруг, как много зелени, сад ему очень понравился и он тут же дал Таду дельные советы, как сделать макивару и другие снаряды для тренировок. Дал примерить Таду кимоно, тогда возникло предложение, что раз уж первый ученик Алексея надел каратэ-ги, считать этот день Днем основания Школы, а случилось это как раз 10 сентября 1969 года. Этой же осенью произошло знакомство е основателем и собирателем русской самозащиты – самбо – Анатолием Аркадьевичем Харлампиевым. На протяжении всех лет, пока он был жив, он, как бы, являлся духовным отцом зарождающегося в СССР каратэ. Целый год Алексей с Тадом тренировались одни, то у Харлампиева в зале МЭИ, то еще в каких-либо других залах, но больше на улице или дома у Тада. Правда, Алексей хотел привлечь еще ребят, но Тад убедил его этого не делать. «Научи меня и я буду тебе помогать, ведь тренировал же я боксеров и этот процесс мне известен, но сначала научи». Они работали нал собой очень много, именно в этот год были заложены основные принципы и навыки создания будущей Школы. Тад еще больше почистил сад, повесил горизонтально мешок на растяжках – сунатовару и тренировался и тренировался, отодвинув на второй план работу и добывание денег. Он перешел работать водителем в Институт психиатрии на Потешную улицу, чтобы быть ближе к семье и дому. Лена говорила Таду, что рада за него, что он нашел себя в новом деле и кормила Тада с Алексеем в саду под громадным вязом, ласково,

где-то даже по-матерински поглядывая на друзей. Сначала Алексей нравился ей, но это только сначала.

Их никто не трогал и никто не мешал, власти понятия не имели, что такое каратэ и мнения своего пока не высказывали. С конца семидесятого года Алексей и Тад стали выступать с показательными выступлениями с самбистами Харлампиева. Анатолий Аркадьевич прекрасно говорил, объяснял и показывал, несмотря на свои 66 лет. К концу выступлений он объявил: «А теперь посмотрите на чистое каратэ». Выходили Алексей с Тадом и показывали, в общем-то, пока небогатую программу. Но естественно она от разу до разу усложнялась. Анатолий Аркадьевич попросил включать побольше работы против оружия. Друзья очень много почерпнули у Старика и те приемы работы с оружием и против него, переработанные с каратистской сутью живут и поныне. Но для всего этого нужна была серьезная работа в зале, которого не было, а также были нужны единомышленники, партнеры. Все это привело к тому, что друзья стали искать зал, и каждый привел по паре своих друзей и знакомых. Со стороны Алексея пришел Гена Чубаров – мидовский разведчик, и Володя Томилов, тогда еще студент, со стороны Тада пришел Ганс Владимирский, чемпион Москвы по боксу, и Саша Каретников, десятиклассник. Вот в таком составе группа просуществовала еще несколько месяцев. С залом помог все тот же Анатолий Аркадьевич. Он посоветовал ребятам обратиться к Президенту Федерации дзю-до Москвы Николаю Алексеевичу Масолкину, и тот, уже зная Алексея и Тада, дал им адресок. Зал оказался в самом центре Москвы на площади Маяковского во дворе Аргентинского посольства. Зала этого уже больше нет, на том месте стоит детский сад, но много лет он играл громадную роль в спортивной жизни столицы и страны. Поскольку находился он во фрунзенском районе, то и название у него было «Фрунзенец», а группа каратистов, начавшая там заниматься, стала зваться «ребята с Маяковки». Так они и вошли в историю – КАРАТЭ СССР. Зал как будто был создан для подобных занятий, мог вместить где-то от 50 до 80 человек. Две большие раздевалки, балкончик, на котором можно было отдыхать, наблюдая за тренирующимися. Все это было как нельзя, кстати, и вовремя. По утрам в зале был баскетбол, а вечерами платные группы самбо, которые вели тот же Масолкин и Владимир Давидович Михайлов. Несмотря на то, что группа разрасталась, Алексей с Тадом попросили у хозяина зала, Володи Бухова, только утро субботы и пока все, денег хватило только на 2 часа аренды четыре раза в месяц.

Здесь надо совершить небольшой экскурс назад. Как-то в самом начале знакомства Тад сказал Алексею: «Леш, вот смотри,

я сегодня кладу в нашу с тобой кассу 5 рублей и буду делать это каждый месяц». «Ты что, зачем? – возмутился Алексей. Я же тебя не за деньги тренирую». Но Тад продолжал: «Будет группа больше, каждый внесет свою долю. Надо же будет ездить на показухи, на какие-то снаряды, на аренду зала и прочее, да мало ли что, не тащить же тебе деньги из дома, а так они потихоньку накапливаются и все о'кэй. Я буду и кассиром и начальником отдела кадров, – закончил Тадеуш, – а у тебя пусть голова не болит об этом». Подумал, Алексей согласился. Эта финансовая политика работала более двух десятков лет, помогая бойцам Школы отчасти обрести независимость.

В начале 70-х годов в Москве было всего триточки, где практиковали каратэ: Петровка, 26 (спортзал «Динамо»), спортзал Университета им. Патриса Лумумбы и вышеозначенный зал «Фрунзенец» – «ребята с Маяковки». Поскольку два первых зала были режимными то естественно, контингент занимающихся в них был очень мал. Группа с «Маяковки» пошла другим путем, путем свободного входа всех желающих. И это было правильно. В 71-м группа выросла до 50-ти человек. Сюда приходили заниматься разведчики, офицеры десантных войск, рабочие, врачи, даже сын члена Политбюро Кузнецова, группа разрасталась, приобретая известность и связи.

Своей работоспособностью и серьезным отношением к делу Тадеуш потихоньку стал выдвигаться вперед, становясь как бы сэмпаем, заменял Алексея в момент его командировок. Анатолий Аркадьевич тоже не забывал группу, часто приходя, и давал ценные указания, поражаясь дисциплине, царящей в группе. Здесь надо напомнить, что авторитет Алексея как Учителя, создавался именно Тадеушем. Сначала многие из занимающихся пробовали обратиться к Алексею панибратски и даже похлопать по плечу. Тад живо прекратил эти фамильярности сначала пояснениями, а затем в спарринге, которым владел уже неплохо, вспоминалось боксерское прошлое. Был также объяснен этикет вида и градация поясов – т. е. кто есть кто. Тада зауважали тоже, сказалось и бурное прошлое и жизненный опыт сэмпая, а именно так его стали называть в группе.

В 1971 году Тад сдает экзамен на красный пояс и покупает себе фирменное кимоно. Эмблему каратэ вышивает себе и сенсэю Штурмину, никогда до этого не державь иголки в руках, да так хорошо, что оба лет десять носили ее на груди.

Масолкин и Михайлов, видя по субботам переполненный зал, попросили Алексея и Тада организовать показательные выступления каратэ для абонементных групп по самбо и, конечно же, за плату. Показывали и рассказывали Тад с Гансом,

демонстрируя на нем технику каратэ и приемы против оружия. Масолкин и Михайлов наблюдали тоже. Выступление прошло на ура, и руководители курсов самбо предложили подумать о создании таких групп и курсов по каратэ, и расплатились за выступление. Вот тут очень некрасиво повел себя Гансович, как шутливо называл своего друга Тад, когда он увидел, что большую часть денег Тад отложил в сторону, жаба жадности задушила его. Он стал требовать поделить деньги поровну, но Тад ответил ему, что большая доля уйдет в кассу Школы, а мы с тобой – ученики ее, обойдемся малым. Финал: обидевшись, Ганс отделился, открыв в Сокольниках подпольную группу и обирая ее. От него уходили толпами, и он, бросив преподавание, куда-то исчез на несколько лет, но затем вынырнул у одного из боковых учеников Школы Вадима Вязьмина в его группе «Дхарма марга» (путь добродетели). Затем опять неудача и вновь пропадание, но уже на несколько десятков лет. И вот только недавно объявился в Израиле, женатый четвертый или пятый раз, но уже на еврейке.

Это было первое негативное проявление корысти учеником Школы, в будущем, к сожалению, этих непоняток будет значительно больше. Примерно в то же время Тадеуш уходит из Института психиатрии и начинает работать мастером производственного обучения и инструктором по автоделу в обычной средней школе № 615 на Верхней Красносельской. Его начальником был милейший человек Борис Львович Хаинсон, с которым они проработали бок о бок семь лет, пока в школе не закрыли автодело. Школа давала Таду много свободного времени и спортзал, в котором хозяйкой была сестра великих боксеров Лидия Ивановна Огуренкова. две машины: грузовая и легковая, были тоже в распоряжении Хаинсона и Касьянова, давая возможность заработать, а главное было полное состояние покоя, необходимое Таду после громадных нагрузок, ведь тренировался он от трех до шести часов каждый день. Чтобы больше быть на улице, Тад с Преображенки в школу и обратно ходил пешком, а это 5 км в одну сторону, иногда пробегая какую-либо часть пути. Администрация школы, зная квалификацию Тада, часто оставляла его подежурить на праздниках и выпускных вечерах, он прекрасно справлялся с этими обязанностями без патетики и криков «Банзай». Спокойно разобрался с местными хулиганами к неописуемому восторгу директора школы, старого контрразведчика. Ребята в нем души не чаяли. В 1973-м Тад сдает на коричневый пояс, в 1974-м – на черный. Это была первая сдача на черный пояс в Москве человека, который учился у себя на родине, а не у иностранцев. Экзамен принимали самые старые представители восточных единоборств: Володя Ковалев – джиу-

джитсу, Слава Дмитриев, еще какие-то специалисты, имена которых уже стерлись в памяти. Тадеуш сдал все прекрасно. Осталось только повесить пояс. Поехали в больницу к Харлампиеву (он в это время сильно хворал) и спросили, можно ли вручать? Вердикт был таким: можно и нужно.

Из группы самбо в том же зале в 73-м году пришел и стал тренироваться советский кореец Виталий Пак, а в 74-ом в группу пришел лауреат премии Ленинского комсомола скульптор Александр Рукавишников, затем приведший с собой акробата, чемпиона мира Сергея Шаповалова. Это были непростые ребята, ибо они, скоро обогнав стариков, заняли главенствующее положение в группе. Группа очень много выступала с показательными выступлениями, а это можно было делать только при железной дисциплине. Как-то раз группу посетил большой чин из МВД Анатолий Иванович Костенко, и когда увидел, как Тадеуш сломал ударом кулака 6-сантиметровую доску, а Рукавишников ногой брус 12 см, он воскликнул, сдвинув кепку на затылок: «Ребята, Вас надо регистрировать как двухстволки!» Несколько раз приходил на тренировки Володя Высоцкий, приглашенный Алексеем, В зале мягкий полумрак, ребята тренируются, он сядет тихо в уголке и смотрит, никто к нему не пристает с расспросами, затем встает и так же тихо уходит. Он хотел написать гимн каратэ, хотел ощущение каратэ пропустить через себя, но сильно болел в ту пору и вот не сподобился,

Зимой 1975 года Масолкиным и Михайловым все-таки было принято решение о передаче группы самбо в группы каратэ, они просили Тадеуша тренировать их. На первую же тренировку пришел 101 человек. Из группы родилось много хороших и плохих людей, Некоторые из них, не усвоив моральный дух каратэ, а только его верха, приспосабливали под себя эту древнюю науку, оправдывая подчас свои гнусные действия, В это время произошло плотное знакомство с армейским контингентом, так как в группах было много военных. В общем-то, все получилось, группы обучались, устраивались внутренние соревнования по олимпийской системе, но названия у Школы не было. Было открыто еще две группы на самоокупаемости, одну взял комсомольский деятель и танцор Виктор Смекалин, а другую – Илья Спивак, ударник симфонического оркестра Большого театра. Вот у него-то в группе и начал заниматься доктор физико-математических наук Лев Слабкий, который на досуге, просматривая корейские словари, нашел иероглифы, соответствующие представляемой руководителями Школы духовной концепции, получилось СЭН'Э (путь жизни, дорога жизни, дело всей жизни). Лев вместе со своим родственником

Мишей Селезневым был переведен в группу Сэмпая, и Лева получил премию сто рублей, что по тем временам было немало. Школа стала называться СЭН'Э. Каждый входящий в зал мог увидеть три плаката: в центре висела эмблема Школы, слева – высказывание Ленина: «Неразумно и даже преступно поведение той армии, которая не стремится овладеть всеми приемами или методами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля…» Справа висел плакат со словами Брежнева: «Все, что завоевано Революцией, должно быть надежно защищено…» Поди, придерись, Школа готовилась защищаться от идеологов коммунизма, а попытки придержать Школу уже начались, и службы МВД и КГБ стали потихоньку вживлять своих агентов в группы тренирующихся. Но тем и хороша была система Школы, что наверх трудно было пробраться, сексотов просто и тривиально физически выбивали, Наверх в руководство Школы не пробился никто. В Школу приезжали со всего Советского Союза, подраться, показать свою силу, научить Москву, конец был всегда один, странствующие самураи бывали всегда биты и больно.

Собственно приезжающим хотелось схватиться и побить Алексея Штурмина, но опять работала система Школы, они должны были встретиться вначале со старшим учеником, а им был Тадеуш. И ему было в удовольствие подраться. Бывали схватки жестокие и кровавьте, но Тадеуш все равно выигрывал бои. Если же приезжала команда, то такие бойцы, как Саша Рукавишников Сергей Шаповалов и многие другие в пух и прах разносили их. Школа была сильна духом, к ней медленно, но верно приходила известность и слава. Это сильно пугало партийные органы. Им казалось, что создается государство в государстве, по сути, так оно и было, но партийные никак не могли понять, что это спортивное сообщество работает на Державу. В Школу зачастили комиссии и корреспонденты. Среди последних были честные люди, такие как экс-чемпион СССР и Европы по штанге Дмитрий Иванович Иванов, спецкор газеты «Советский спорт». Разобравшись во всем, он стал другом и писал хорошие нужные статьи, на всех уровнях поддерживая Школу, но особенно симпатичны, оказались друг другу он и Тадеуш, которого Дмитрий Иванович близко принял к сердцу. Его хорошо знали в журналистской среде и уважали, его помощь Школе была неоценима. Их дружба продолжалась до самой кончины Дмитрия Ивановича – от перенапряжения и стрессов отказало сердце. Он умер в 1992 г., когда Тадеуш находился в одном из «санаториев» ГУЛАГА.

Одним словом, Школа СЭН'Э развивалась, множество продвинутых инструкторов открыли группы по всей Москве, под

началом Тада работали, как уже говорилось, Виктор Смекалин, Илья Спивак, Сергей Соколов, детскую группу доверили Ивану Мишневу. Небольшого роста, коренастый, скоростной, он как-то смешно и даже безграмотно говорил, но находил подход к детским душам, родители и дети были от него без ума. Старшая дочь сэмпая Софья тоже начинала у него, хотя уже с четырех лет с папой бегала и занималась физкультурой в саду дома, потихоньку приобщалась к занятиям в Школе. В будущем она обошла своего инструктора и заняла одно из главенствующих положений в иерархии Школы, а пока сэмпай, рожденный Скорпионом, жестко и требовательно подходил к воспитанию своих детей, самозабвенно любя их. Множество прекрасных бойцов и спортсменов выросло в детской группе, один из них – чемпион Москвы 80-х годов юниор Варуджан Григорян уехал в США и, разъезжая по Штатам, громил там бойцов любого калибра, практически не встречая сопротивления. У Ивана Мишнева начинал и лидер русских националистов Александр Баркашов. Да… пути Господни неисповедимы!

Справка. Попадание в Школу неблагонадежных лиц или уголовных элементов было исключено, потому что в секцию или группу брали по протекции; тот, кто приводил будущего ученика, ручался за него письменно.

Глава 7

ВСТРЕЧИ

(ученики, попутчики, недруги, власти, комсомол, партия, ВПШ)

В 1973-74 гг. Алексей Штурмин побывал в нескольких туристических поездках по капстранам, где наблюдал тренировочный процесс западных школ и имел возможность убедиться, что наша Школа развивается и идет правильным путем. Алексею и Тадеушу хотелось сравнить, а чем же занимаются их оппоненты из «Динамо» на Петровке, 26. Приглашение посетить этот зал руководители СЭН'Э получили не сразу и то с большим трудом, ведь там занимались люди из КГБ. И вот, наконец- то Алексей, Тадеуш и Володя Томилов приехали на Петровку, 26. Время в запасе еще было и ребята зашли в аптеку, что прямо напротив арки у входа в зал. Подошла машина японского посольства, вышли два японца с прекрасными фотоаппаратами и долго топтались, оглядываясь, как бы наблюдая, не следит ли кто за ними. Но все вроде бы было спокойно, и они нырнули в арку. Наши ребята последовали за ними, раздевшись, спустились вниз, спортзал был в подвале, хотя и довольно большой. Тренировку проводили братья Одлины, а сенсей Сато стоял и руководил процессом в одежде. Какая-то сексотня бросилась было выпроваживать ребят, но с ними был еще русский переводчик с японского. Он что-то быстро сказал Сато и тот мановением руки остановил сексотов. В зале тренировалось человек двадцать и те двое косоглазых из арки, усиленно работая фотоаппаратами, снимали наших секретных агентов в фас и профиль. У Алексея и Тада глаза полезли на лоб от удивления и возмущения. Ситуация была предельно ясна. Кстати, «большой друг» СССР г-н Сато, присланный профсоюзами каратэ Японии, более двух десятков лет занимаясь разведкой, потихоньку подтренировывал сотрудников МВД и КГБ. Ребята через своих друзей довели этот факт до руководства 5 Управления КГБ, те сначала даже не поверили, а проверив, рвали на себе волосы. Сато же тем временем не в напряг вывозил серебряные и золотые оклады икон, драгоценные камешки, был

уличен на таможне, но по какому-то непонятному обстоятельству оставлен в СССР. Алексею и Таду работники КГБ высказали слова признательности и благодарности. Братья Одлины, очень любящие Россию, решили через несколько лет, что им лучше жить в Америке. Уходя из зала, ребята предложили Сато спарринг, но тот ответил, что не все решает кумитэ, с чем руководители СЭН'Э согласились и вежливо откланялись. Ребята понимали, что с такой постановкой дела и такими тренерами правоохранительные органы долго-долго будут терпеть неудачи, что, в общем-то, и сейчас соответствует истине. В спортзал Университета им. Патриса Лумумбы они не пошли; они узнали, что там занимались полторы калеки, и это было не интересно. Ученики Школы продолжали много выступать, их пригласило командование училища Верховного Совета, ребята дали классное выступление и командиры захотели научить курсантов, но одно дело хотеть, другое дело мочь. Туда долго и безрезультатно ездил преподавать ученик Касьянова Володя Дюков, но после нескольких посещений обучение прекратилось. Комсомольцы из ЦК постоянно пытались подтянуть под себя это новое развивающееся движение, часто приглашая Штурмина и Касьянова в свой комсомольский лагерь «Олимпиец», что в Шереметьево, там со спортсменами общались боссы комдвижения Мишин и Пастухов. Семь раз приглашал к себе команду инструкторов Школы летчик-испытатель Мосолов, директор ВПШ. Контингент присутствующих и занимающихся превалировал из стран Южной Америки, Африки, Палестины. Ребята из СЭН'Э, все рассказав и показан, предложили этой разноцветной толпе повзаимодействовать, но вышли только трое, считавшихся подготовленными. Их быстро и без труда уложили на пол, они очень не любили переносить боль, их лица были полны страха. Правда, на телах некоторых были видны шрамы, то ли следы пыток, то ли еще чего. Ездить к ним было противно, но таким образом Школа имела прикрытие красных. И все же коммунисты не считали Школу своей: то втихаря ОБХСС натравят, то какую-либо идеологическую комиссию пришлют. Брезгливая мина на лицах партчиновников присутствовала всегда. Несколько нужных выступлений было организовано на офицерских курсах «Выстрел», что в Солнечногорске, где тоже присутствовал темнокожий контингент. Инструкторов СЭН'Э, переодев, выдали за армейских, и африканцы поражались спецподготовке нашей армии. Маршал бронетанковых войск Лосик, присутствовавший на этих выступлениях, подошел поблагодарить и пожал инструкторам руки, сфотографировался с Касьяновым и его старшей дочерью Софьей.

Поскольку в Школе, к тому времени, занималось около шестисот человек только в Москве, достаточно трудно было уследить за работой отдельных инструкторов, которые открывали группы в новых строящихся районах и Подмосковье. Ездить туда было далеко и неудобно. Тем не менее, Штурмин и Касьянов приехали посмотреть на группу Володи Томилова, тренировавшуюся в Кунцево. С удивление руководители Школы увидели несколько красных поясов, присвоенных спортсменам самостийно Володей. Техника и моральный дух вызывали сильное сомнение, и Томилов крутился как карась на сковородке. Кстати, таким по жизни он и остался, плюя на каноны Школы, которыми никогда не старался проникнуться. Много раз у Штурмина и Касьянова возникало желание расстаться с ним, но вот почему-то терпели. Только в 1977 году кое-как сдав на черный пояс, он сделал вид, что законопослушный ученик Школы, но пройдет немного лет и станет ясно, что это было маской.

Еще было время до начала большого раскола, попытки своевластия и неправильного трактования идей Школы жестоко пресекались сэмпаями, но уже в глубине здания под названием «Школа СЭН'Э» наметилась маленькая, но трещинка. Нужен был только прецедент, чтобы разрушение стало заметным.

Хочется привести, как пример, небольшую запись встречи одного партийного чиновника в ходе разговора, сделанную самим Касьяновым зимой 1981 г.

«Зимой 1981 г. попросился присутствовать на тренировке зав. отделом Облисполкома Ю.Юшкевич. Сам он оказался из г. Норильска и мастер спорта по штанге. Теперь он замполит ЦС «Динамо» в майорском звании. Итак, приехав на тренировку, он попросил провести ее по всем правилам востока, т.е. со всеми аксессуарами этикета. Тренировались мы тогда в школе М 527 на Павелецкой набережной и, как оказалось, последние месяцы. Нам опять помогли наши «друзья» из Спорткомитета г. Москвы. Милованов Сергей Артемович (кстати, аттестованный мной как тренер-преподаватель в 1979 г.) и Воронцов, начальник отдела массовых игр, ссылаясь на Приказ министра Высшего и среднего образования, запрещающий использование спортзалов школ для занятий секций каратэ, два этих «милых» человека отняли у нас зал. Сел Юшкевич на лавку и стал смотреть. Тренировка была обычной, насыщенной по нагрузке и довольно жесткой. Я искоса наблюдал за ним, иной раз даже подходил к нему, чтобы пояснить значение того или иного действия, приема. Он следил за тренировкой с напряженным интересом, а когда она закончилась, спросил: «Нельзя ли побывать и поужинать у Вас

дома?» «Нет ничего проще, – ответил я.

Сейчас только предупрежу жену, чтобы что-то приготовила». «Что меня больше всего поразило, – говорил мне Юшкевич в машине, когда мы ехали ко мне домой, – так это то, что ни у одного Вашего ученика на лице не отображалось никакой злобы и желания отомстить даже тогда, когда партнер пропускал тяжелый удар. Секундная остановка, легкий поклон один другому, улыбка понимания и спарринг продолжается. Как Вы этого достигаете?» Ну как объяснить материалисту духовное?! Я ответил, что все это вырабатывается в процессе многих лет тренировок. Что наша задача (тренеров): сначала сделать ученику головку, а не мышцы, Ученик изучает в процессе тренировок историю вида, этикет, который, кстати, направлен не на унижение, а на привитие вежливости не только в Школе, нон в жизни и на воспитание характера. И потом, отвечал я: «Нас легче поймет человек, который прошел или проходит обучение у нас». «Теперь я понимаю, почему за Вами идет молодежь. Очень зрелищный и притягательный вид спорта, – ответил мне Юшкевич.

Дома были обычные кислые щи с грибами, не помню, каких-то два салата, картофельная запеканка, ну и хороший чай. Юшкевич был приятно удивлен нашими отношениями с Леной и тем, что у нас в доме не пьют. «Да, у Вас в семье просто идиллия, – сказал он, вставал из-за стола. – Спасибо за прекрасно проведенный вечер, я на Вашей стороне. Вы всегда можете на меня положиться и сослаться, вот Вам мой телефон. Я попытаюсь стать Вашим учеником, я буду даже самым прилежным из всех, но в смысле философии и духа я буду стараться Вас переубедить».

Даже при всем притом, что вечер прошел, скажем, небезынтересно для сторон, он – работник идеологического фронта, не понимал, что никакой иной вредоносной философии ни у меня, ни у нас нет, и мы также верим и убеждены в правоту и железную логику марксизма-ленинизма».

Вот так воздействовал Тадеуш Рафаилович на идеологов коммунизма. Но очевидно, восточные единоборства всколыхнули у массы занимающихся как положительные, так и отрицательные качества и в данном конкретном случае все это выплеснулось на взаимоотношения с товарищами и руководством Школы СЭН'Э. думается, что именно этими же качествами объясняется та жестокая борьба между стилями каратэ, клубами, школами, федерациями (а по сути дела, просто между отдельными личностями), развернувшаяся и имевшая место во всех концах и уголках Союза на протяжении ряда лет, тайно изнутри подогреваемая спецслужбами и чиновниками Госкомспорта. Гнетущая обстановка в стране также повлияла на распад многих

союзов. Не обошло стороной это явление и Школу СЭН'Э. Пришлось избавиться от некоторых старших сэмпаев, понимавших субординацию в Школе только как власть и деньги себе. Отринутые, большинство из них очень скоро были забыты, так и не оставив следа ни в спорте, ни в движении традиционного каратэ и рукопашного боя. Другим ничего не оставалось, как погибнуть морально, а порой и физически в преступных конфликтах разного рода. Более подробно о судьбе этой удивительной Российской Школы и всевозможных кознях неудачников и отщепенцев читайте в брошюре: «Краткая история СЭН'Э

Школы каратэ и рукопашного боя России», которую можно купить в офисе Всероссийской федерации рукопашного боя и традиционного каратэ, а также на соревнованиях, проводимых ею. Телефон: 121-64-47.

Глава 8

«ДОБЛЕСТНАЯ» СОВЕТСКАЯ АРМИЯ, СПЕЦСЛУЖБЫ, ЧТО ДЛЯ НИХ СДЕЛАНО?

Правящая верхушка КПСС всегда сильно боялась подготовленной армии, наверное поэтому с 1945 г. нашу Красную Армию сознательно ничему не обучали. Научи такую, а она тебя свергнет. Исключение составляли, может быть, отдельные тех-части, где без определенной квалификации солдат было бы нельзя использовать. По этому же поводу и причине боялись маршала Жукова, у которого был батальон, специально тренированный и готовый по приказу выполнить любое его задание. Убрали Жукова, разогнали батальон, а ведь именно этот маршал – Спаситель России, заложил основы подготовки спецназа. Учитывая полное отсутствие обучения рукопашному бою в армии, Касьянов с учениками приняли участие в создании больших воинских групп еще с 1975 г. в спортзале «Фрунзенец» . Уже в бытность свою старшим тренером МВО по рукопашному бою Касьянов пытался организовать Центр по подготовке армейских инструкторов рукопашного боя и других силовых структур на базе СКА-13 МВО в Лефортово, постоянно испытывая непонимание и амбициозность со стороны командования округа и клуба. Правда, Институт военных переводчиков по инициативе замполита института генерал-лейтенанта Рыбникова, пригласив Касьянова к себе на работу, уже с 1978 по 1979 гг. практиковал каратэ и рукопашный бой, одновременно обучая от шестисот до девятисот курсантов. Тадеуш Рафаилович Касьянов превосходно справлялся с такой многочисленной аудиторией и прекрасно выполнял поставленные задачи.

С 1981 по 1984 гг. в Военном институте им. Лесгафта в Ленинграде были проведены теоретические и практические занятия с преподавателями и курсантами, на которых говорилось и показывалось, чему и как надо учить армию. Первый раз Тадеуш Рафаилович привез с собой четверых феноменально подготовленных инструкторов и семь видов холодного оружия, которые в нашей армии и в глаза не видели, не говоря уже об умении им пользоваться. Кафедра в полном составе и по плану ушла в лес на лыжах. На вопрос Касьянова, что бы это значило? –

ничего, кроме многозначительного молчания Тадеуш Рафаилович так и не услышал со стороны зам. командира Института генерал-майора Чихачева. То, чему обучали на этой злосчастной кафедре за четыре года, у Касьянова на занятиях познавали за один год. Опять-таки усилиями Касьянова и его инициативной группы, была введена должность инструктора рукопашного боя в войсках, но армия продолжает им также активно не заниматься, как и в былые времена.

КГБ и контрразведка округа тоже своим вниманием не оставляла Касьянова, иной раз вызывая к себе узнать, что нового в методике подготовки спецконтингента и практике уличных боев?! Но Тадеуш Рафаилович очень не любил эти службы и всячески уклонялся от контактов с ними. И много чего еще было, но наверху – гробовое молчание, а Касьянову все время хотелось спросить у власть предержащих: кто, кому и сколько должен? Поскольку думы и тревога за Державу не покидали этого человека постоянно, то за последние годы появилась программа подготовки допризывной молодежи и методы борьбы с дедовщиной. С небольшим коллективом офицеров создано «Руководство или наставление» для войск национальной безопасности с финансовым обоснованием, которое можно опробовать на любом спецподразделении.

В заключение этой главы как бы возникает вопрос: «Почему у офицеров современной русской армии, начиная с полковника, талии, как у баобабов щеки лежат на погонах, а солдаты попрошайничают, голодают, подвержены дистрофии, и будет ли то же самое происходить с контрактной армией?!

Глава 9

КИНО, КАСКАДЕРЫ

Годы неумолимо уходили в прошлое, группы Школы тренировались, но основной центр подготовки был создан Тадеушем Рафаиловичем все-таки в саду дома на Б. Хвостовой улице. Этот старый район потихоньку сносился, люди из этих мест уезжали, и вот в пустующих домах в плохую погоду тренировались приезжающие к Тадеушу Рафаиловичу продвинутые инструкторы, желая поднять квалификацию и пообщаться с сэмпаем. После тренировки обязательно все рассаживались за столом под вязом, и Лена поила всех чаем из самовара. Обсуждались тренировки, строились планы на будущее. Обе дочки Тадеуша Рафаиловича вертелись возле папы, крутя палки и облегченные нунчаки. В этот дом с зеленым, благоухающим сиренью садом, приезжал пару раз Володя Высоцкий отдохнуть и попраздновать день рождения своего друга Алексея Штурмина. Милиция тут же обкладывала дом и близлежащие переулки, но Вова, отдохнув, лихо удирал от ментов на своем «Мерседесе». Сад, как нельзя лучше располагал для раздумий и анализа тренировок. Везде висели мешки, стояли макивары и мишени для метания ножей, пластин, топоров. Тадеуш Рафаилович от двух до четырех часов метал эти предметы на слух, на вспышку света, меняя всевозможные дистанции, Дочери помогали ему, одномоментно обучались сами. Все это, как нельзя лучше пригодилось для создания многих фильмов, в которых принимал участие Тадеуш Рафаилович с инструкторами Школы.

И вот как-то раз в этот дом и сад Алексей Штурмин привез своего знакомого сценариста Евгения Месяцева, специализировавшегося на создании фильмов об армии. Посидели, поговорили, и Женя сделал сценарий об элитарных войсках ВДВ. На предварительных съемках Алексей повредил ногу, снимаясь в роли лейтенанта Тарасова, и роль передали артисту Борису Галкину. Отрываться от своей работы во ВНИИВОДГЕО Штурмин также не мог и полномочия руководителя-постановщика трюков передали Тадеушу Рафаиловичу. Режиссера Андрея Малюкова устроило такое положение дел и фотогеничный тип лица Тадеуша, тем более, что он должен был дублировать молдавского актера Михая

Волонтира. Несколько позже одна корреспондентка уверяла Тадеуша Рафаиловича, что Волонтир в фильме все делал сам, это было очень интересно. Съемки проходили в Литве, в учебном центре ВДВ Ионава, и Тадеушу Рафаиловичу пришлось объехать все семь полков, стоящих в то время там, и убедиться в полнейшей неподготовленности наших элитарных войск. Заодно пришлось познакомиться с легендарным командующим ВДВ Василием Филипповичем Маргеловым. Конечно, это была личность. Он, чтобы не рисковать жизнями других офицеров, приказал прыгать вслепую в танке с грузовым парашютом своему младшему сыну Александру. В десантных войсках его обожали. Фильм «В зоне особого внимания» был очень популярен у молодежи тех лет, заодно подняв престиж десантников, но как обманулась она, не найдя той романтики, о которой кричал фильм. За время съемок пришлось месяца два потренировать чекистов Каунаса, на которых были организованы нападения местными националистами. Они бедные боялись с оружием соваться в толпу, так как было несколько случаев отбора табельного оружия демонстрантами. Они пришли в неописуемый восторг от работы нунчакой и яварой против одного и нескольких человек, которую им показал Касьянов, и сразу же заказали себе несколько экземпляров.

Тадеуш Рафаилович очень много дал им за это время, та простая и рабочая обстановка сильно нравилась чекистам и, прощаясь с ними, Тадеуш Рафаилович увез с собой двенадцать благодарственных подписей в книге «Советская Литва». Своего ученика Романа Степина, служившего в Ионаве, он оставил еще два года тренировать МВД и КГБ Каунаса и конечно же бесплатно. Этот фильм подтолкнул к созданию новых кинолент об армии и выявил возможности Школы. Пока Евгений Месяцев писал следующий сценарий, Школа снялась на Таджикской студии в фильме о чекистах «Стрельба дуплетом». Следующий фильм «Взлет» о Циолковском снимался в Калуге. У Тадеуша Рафаиловича была роль студента лесотехническою училища. На съемках фильма в большой сцене драки черносотенцев с рабочими грубо повели себя самбисты из Обнинского милицейского училища. Подвыпив в момент отдыха, они откровенно полезли драться на каратистов, ну и какводится, получили свое. На этом фильме Тадеуш Рафаилович познакомился с прекрасным актером Георгием Бурковым и исполнителем главной роли Евгением Евтушенко, которым очень понравились бойцы Школы. Впервые с Тадеушем Рафаиловичем участвовал начинающий каратист и каскадер Александр Иншаков (будущий Президент ассоциации каскадеров). Начали снимать

фильм «Ответный ход» Месяцева, но ушли с него, так как администрация картины обманула Тадеуша Рафаиловича, не заплатив денег каскадерам. Этот фильм быстренько подхватил А. Иншаков. Правда, являясь учеником Школы и лично группы Тадеуша Рафаиловича, он не должен был этого делать, но велико было желание выдвинуться вперед.

Почти перед Московской Олимпиадой Тадеуш Рафаилович познакомился со Станиславом Говорухиным и Борисом Дуровым, создателями и сценаристами фильма «Пираты XX века». Тадеуш Рафаилович выступил в роли боцмана Михеича, практически все трюки выполняла команда инструкторов, привезенная Тадеушем Рафаиловичем из Москвы, но были приглашены и другие каскадеры: из Одессы Володя Жариков и Олег Федулов. Картина имела необычайный успех, за последующие десять лет ее посмотрело около 250 млн. человек, а ведь фильм стоил недорого, всего каких-то 470 тыс. руб., принеся более 100 млн. рублей прибыли. Леонид Ильич Брежнев у себя на даче много раз смотрел фильм и, всплакнув, говорил: «Вот какие у нас есть ребята!» В трудные годы был снят фильм «Набат» по заказу Аэрофлота и КГБ СССР. Тадеуш Рафаилович играл роль командира группы захвата и опять подряд второй раз с замечательным актером Петром Сергеевичем Вельяминовым. Фильм прошел под рукоплескания Чебрикова, председателя КГБ и его сотрудников, но не исполнителей главных ролей, ни режиссера на этот просмотр не пустили. Правда, Тадеуша Рафаиловича наградили Почетной грамотой, подписанной министром Гражданской авиации Бугаевым за создание фильма. По этому же сценарию из Тбилиси был угнан самолет год или два спустя.

В создании семнадцати фильмов («Акция», «Верными останемся», «Аэлита, не приставай к мужчинам», «Авария – дочь мента», «Расследуется убийство», «Казенный дом» и др.) приняла участие Школа, чуть позже была создана студия «Каскадеры» при Московском агентстве театров-студий, в которой Тадеушу Рафаиловичу предложили должность зав. отделом теории и методики театральных икинематографических трюков. Практически студией «Каскадеры» был создан центр, в котором можно было спокойно работать, получая высокую зарплату, совершенствоваться и создать по стране сеть таких групп, а также путешествовать, выступая в шоу-программах.

Глава 10

ШКОЛА РУКОПАШНОГО БОЯ

(как к ней пришли)

В начале 1980 года между Штурминым и Касьяновым наметился идеологический раскол. Штурмина поддерживали теневые группировки, а также сынки административного партаппарата Касьянова русская, спортивная часть ЦШК. Администрация Дворца спорта в лице Марии Борисовны Беляевой также сильно повлияла на раскол с подачи Штурмина организовав беспардонную травлю Касьянова, в результате которой его постоянно пытались обвинить то в антисоветчине, то в совершении каких-то противоправных действий Осенью того же года Касьянову пришлось объявить о своем уходе из ЦШК. Семидесяти пяти спортсменам присутствовавшим на тренировке, было предоставлено право выбора: остаться но Дворце со Штурминым или уйти с сэмпаем, а значит со Школой в никуда. В никуда не захотели уйти двое – Гендельман и Казаков. Через шесть месяцев после ухода Тадеуша Рафаиловича из ЦШКона прекратила свое существование, как и предсказывал Касьянов. Тот моральный климат, созданный Штурминым и его кликой (оставшиеся тренеры стали писать доносы и анонимки друг на друга), стал известен администрации Профсоюзов, поэтому было принято решение о ликвидации ЦШК. Спортсмены рассыпались на группировки различных мастей, и ушли в подполье. «Державе» был нанесен ощутимый ущерб. Здесь еще раз хочется вспомнить о роли личности в истории.

Летом 1980 года в Москве проходили Олимпийские игры и перед этим событием все спортивные залы, и другие помещения приводились в порядок. Дворец спорта «Труд» как бы провел перед Олимпиадой генеральную репетицию, приняв в свои пенаты множество делегаций из стран Востока. Различные делегации приходилось принимать самому Касьянову, поскольку находясь по четырнадцать часов во дворце, он осуществлял тренировочный процесс не только со своими, но и с зарубежными спортсменами. Это дало сильный и качественный толчок вперед. Взяв многое по технике и методике преподавания, Тадеуш

Рафаилович с учениками показали и свою квалификацию, повергнув в изумление представителей Востока. За тренировками Касьянова со вниманием наблюдал старший тренер команды США по дзю-до и каратэ пожилой кореец, а затем сказал Касьянову, что был бы рад, если бы у него была такая команда. Тадеуш Рафаилович с учениками уже несколько лет практиковал упражнения «ЧИ-САО» из «Вин-Чуна», основы «ТХАЙЦЗИ-ЦУАНЯ», познакомившись также со стилями кун-фу – «Багуа» и «Хунгар». Все это наложило серьезный отпечаток на дальнейшую систему ведения вольных боев. На тренировках Тадеуш Рафаилович очень мягко и аккуратно работал с учениками, практически не нанося ударов в голову, оберегая их здоровье и психику, чего совершенно нельзя сказать о некоторых продвинутых учениках, пытающихся каждую тренировку превратить в соревнования. Таких приходилось трескать и сильно, приводя в чувство. Правда, все это сказалось в лучшую сторону в процессе подготовки сборных команд. Поскольку А.Б. Штурмин бывал во дворце крайне редко, в основном витая в эмпиреях и кабинетах партаппарата, в нем вызывало раздражение, ревность и зависть любое новшество, привносимое Касьяновым на тренировку ученикам. Хоть он и вел группу инструкторов по утрам в субботу раз в неделю, хоть он и считался идеологом, но все знали и видели, что по многу часов возится с командой и тренирует их, конечно же, папа Касьянов. Ни один из спортсменов не принимался и не изгонялся из Школы, не пообщавшись и не поговорив с Тадеушем Рафаиловичем. Отсюда приходили известность и уважение.

Пути двух бывших друзей разошлись практически навсегда, И если где-то в кулуарах считали, что Штурмин – чуть ли не отец отечественного каратэ, то с 1980 г. он четко встал на путь его полного уничтожения своим поведением и образом жизни, а вот спасать каратэ и рукопашный бой, как мы убедились, пришлось Касьянову и его ученикам.

до самого ареста Штурмина в июне 1982 г. продолжались гонения, и Тадеушу Рафаиловичу за эти два года с учениками пришлось сменить несколько спортивных обществ, ученики узнавали Москву по адресам сменяющихся залов, многие из которых были отремонтированы на деньги, собранные учениками. Но приходил какой-нибудь очередной партийный или профсоюзный босс и отбирал уже приведенный в порядок зал, не сказав даже спасибо. У Тадеуша Рафаиловича зла на этих козлов не хватало, последний такой зал был отобран на ул. Москвина, дом 4, в подвале.

Тадеуш Рафаилович считал, что вообще-то конкретно занимался каратэ или квон-тху где-то лет шесть, т.е. до момента

открытия больших групп, куда начали стекаться люди со всего Союза, да и не только, неся в зал все, кто что умеет и может. Далее у Тадеуша Рафаиловича с учениками началось творчество, ведь когда-то, еще вначале они со Штурминым договорились брать самое лучшее и рационально из других Школ, оттачивать все это, доведя до совершенства. Никто в то время не работал с оружием столько, сколько его давалось в Школе СЭН'Э. С Тадеушем Рафаиловичем постоянно тренировался прекрасный фехтовальщик и педагог Александр Шаров. Один из учеников Тадеуша Рафаиловича Евгений Мордкович знал Кен-до (путь меча) и, сделав себе защитные приспособления, Ученик и Учитель включили эти элементы в свой тренировочный процесс. Евгений так же познакомил Тадеуша Рафаиловича со штыкачами, и сам Тадеуш Рафаилович с небольшой группой учеников вновь стали культивировать штыковой бой, занятия которым в державе прекратили в 1963 г., нанеся непоправимый вред, урон боеготовности Красной Армии. Складывалось впечатление, что среди маститых военачальников сидят или тупицы, или люди, которые очень не любят Россию, что, по сути, равно предательству. Все-таки именно в армии в любую ее эпоху штыковой бой куда нужней строевой подготовки, а Касьянов – гражданский человек всегда понимал это и популяризировал штыковой бой, как только мог. Тадеуш Рафалович уже давно собирал коллекцию холодного оружия, скопировав эту черту у своего Учителя Харлампиева. Оно было всяким: и европейское, и восточное. Если бы просто кому-то пришлось подержать это оружие, находящееся в доме, то только на это ушло бы около двух часов. Один уйгур из Алма-Аты подарил Тадеушу Рафаиловичу «чедибя»

– многосекционную нунчаку и показал, как ею работать. Какой-то китаец познакомил Тадеуша Рафаиловича с еще более необычным оружием «бисюдзу» – острый со смещенным центром тяжести грузик на семиметровой веревке. Одновременно шло изучение многих других видов холодного оружия, и Тадеуша Рафаиловича вместе с Евгением стали приглашать в запасники Исторического музея как экспертов по оружию. Вот из всего этого медленно, но верно выкристаллизовывались лицо и квалификация рукопашника, так сильно пригодившиеся в недалеком будущем.

Как Тадеуш Рафаилович с учениками оказались в МВО? Спорткомитет Обороны тогда возглавлял генерал-десантник Сидоров, вот перед ним и генералом Брюховым, из отдела кадров армий, было организовано профессиональное показательное выступление в СКА-13 МВО в Лефортово. На показательных

выступлениях присутствовала вся олимпийская сборная по штанге во главе с Жаботинским, какие-то армейские инструкторы и работники МВД. Со стороны Тадеуша Рафаиловича участвовало десять офицеров и тридцать гражданских, это и сыграло роль в дальнейшей судьбе группы Касьянова. Тадеуш Рафаилович стал тренером по рукопашному бою в СКА-13, где начальником клуба был Евгений Александрович Пеньковский, экс-чемпион мира по штанге. Это был друг Дмитрия Ивановича Иванова, человек, имеющий высокие принципы, а чуть позже, став также другом группы Касьянова, он много сделал для развития каратэ и рукопашного боя как в МВО, да и во всей стране. Это позволило группе Тадеуша Рафаиловича осмотреться, перегруппироваться, почистив свои ряды, и пойти дальше, но уже качественно выше и сильнее. Никто не мешал развиваться.

Группа продолжала сниматься в кино, делая рекламу Школе и зарабатывая деньги, которых постоянно не хватало.

Начальником по физической подготовке Округа был в то время Самуил Александрович Тейтельбаум, известный тем, что обширные площади войсковых частей занимал под застройку качалок, которые никому не были нужны и практически на них никто не занимался, но всегда стояли покрашены и выглядели красиво. Вызвав к себе Касьянова, он произнес сакраментальную фразу: «Нам не нужна высшая математика, нам нужна арифметика Магницкого», что означало, каратэ армии не нужно, а нужны отдельные приемы рукопашного боя. Затем посадил Тадеуша Рафаиловича в машину и повез по подмосковным дивизиям, добавив при этом, что, мол, хватит сидеть в столице, твоя основная точка – поселок Чучково Рязанской области, там стоит спецназ ВДВ, вот и мотай туда, занимайся с ними. Уходя от Тейтеля (как за глаза того звали все), Тадеуш Рафаилович был назначен старшим тренером округа по рукопашному бою, а это уже было серьезно.

Как-то незаметно отступали годы запрета, и надвигалось потепление. В 1988 г. студия «Каскадеры» под руководством старейшего каскадера Москвы Евгения Гуськова и Тадеуша Рафаиловича Касьянова организовала фестиваль во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте. Три дня выступлений, три дня аншлаг и всеобщий триумф. дальше еще больше, группа рукопашников, став каскадерами, выступая как профессиональные артисты, была приглашена в Ригу на фестиваль У-ШУ и там стала первой, а на предварительных тренировках сильно потрепала команду тэквондистов из Минска. Сложились предпосылки для преобразования Школы СЭН’Э и студии «Каскадеры» во Всесоюзную федерацию рукопашного боя,

И это событие произошло несколько позже, осенью, когда собранные и разработанные инициативной группой документы были поданы в Коллегию Госспорта СССР на регистрацию, а 29 ноября 1989 г. был утвержден новый национальный вид спорта – рукопашный бой. Такого успеха не знала ни одна федерация воинских единоборств.

В конце апреля 1990 г. Всесоюзная федерация провела 1-й аттестационный семинар для инструкторов рукопашного боя в «Ватутинках». Он как бы являлся смотром сил не только центральных областей, но и российской «глубинки». Люди на семинар приезжали аж с Сахалина и Чукотки, всего прибыло тысяча человек из двухсот сорока городов и областей Союза. На этом семинаре вновь неприглядно показала себя армия, около семидесяти участников из ее рядов были удалены с семинара за пьянку, а ведь это были, в основном, прапорщики и офицеры. «Динамо» присутствовало в зачаточном состоянии.

Центр «тяжести» смещался в сторону работы на Федерацию, и Тадеуш Рафаилович ушел со своей должности старшего тренера МВО, уже, будучи избранным на пост Президента Всесоюзной федерации рукопашного боя и традиционного каратэ (стиль фудокан). После его ухода в МВО практически полностью прекратилась работа по подготовке инструкторов рукопашного боя и популяризации вида. Стало тихо, как на кладбище. Держава, правда, расплатилась за это тысячами убитых. Чечня, Таджикистан… Касьянов точно предсказал районы. Следующая горячая точка, возможно, Крым, Прибалтика, а к 2010-2020 гг. еще более страшный конфликт – Китай, на границе с Россией миллиард двести миллионов человек, а у нас в Сибири – тридцать семь миллионов человек. Спокойно жить они Державе не дадут. Что думают и делают по этому поводу аналитики из спецслужб, или они рассчитывают не дожить до этого момента?

Глава 11

БУДУЩЕЕ РОССИИ

(воспитание молодежи, юные ученики, прогнозы, мечты)

Если крикнет рать святая:
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте Родину мою»

С. Есенин

В этом столетии России сильно не повезло: более семи десятилетий страной правили вурдалаки, преступники, партийные глупцы-неучи. Народ русский, если и успел пожить, то только до 1914 года при царе, остальное время были войны и геноцид. Остается поражаться, как он до сих пор сохранил себя и не потерял присущего ему оптимизма. Затяжное правление красных не осталось без следа, маньяк Ульянов, уничтожив интеллигенцию, которую нация выкристаллизовывала триста лет, обрек русский народ на духовную пустоту, бескультурье, преступность. Каждый последующий партийный царь, сменяющий предыдущего, обгаживал его, рождая сомнения и неуверенность в завтрашнем дне. Трудно предсказывать будущее Державы, но можно предположить, легким оно не будет, Россия, не прогнозируемая страна. Очень мало в настоящем Правительстве профессионалов, практически так же полностью отсутствует интеллигенция, коррумпирована определенная часть силовых структур, происходит их срастание с мафией.

Но будущее любой страны – ее подрастающее поколение. Правда, за последние полтора десятка лет образовался вакуум в воспитании, в работе с молодежью. Нет ясных ориентиров, куда идти и зачем, нет положительных лидеров, за кем идти. Безработица, отсутствие элементарных социальных благ, насаждение западного и американского образа жизни могут привести к тому, что молодняк стройными рядами чуть ли не от груди матери продефилирует прямо в тюрьму, а там только и

ждут такого пополнения. Со многими уже привитыми молодняку привычками, такими, как инертность, трусость, день, зависть, жадность, жестокость и полное отсутствие патриотизма общество подчас просто не знает, как бороться.

Но не опускать, же руки! Уже прямо сейчас Правительству, интеллигенции надо думать о поднятии престижа Державы и русской нации. Хватит заигрывать с малочисленными народностями. Они уже неоднократно доказали, как они нас любят, хотя только благодаря титаническому труду, терпению и коммуникабельности русского народа многие национальные меньшинства живут лучше своего старшего брата, а это социальная несправедливость. Это наша страна, это нам решать, какую национальную политику нам проводить, мы должны забыть о тех, кто не с нами. Это мы – самый большой, сильный и талантливый народ на территории бывшего Союза. По сводкам западной прессы 74% Мировых изобретений – это Россия и выходцы из нее. Мы ни в коем случае не должны позволить влиять на умы русской молодежи националистам в странах СНГ. Мы должны сделать все возможное, чтобы русские, живущие в бывших странах Союза, тянулись к нам.

Культура нашей необъятной Родины богата древнейшими самобытными традициями и надо как можно больше о них рассказывать и показывать, не уставал объяснять, что такое хорошо, и что такое плохо. Убрать с экранов телевизоров и кинотеатров фильмы о насилии, проституции, ужасах, они травмируют психику подрастающего поколения. Трудно даже подсчитать тот вред, который нанесла молодняку, а значит державе, вся эта визжащая, орущая, патлатая серая масса, называемая музыкальными группами, по многу часов занимая экраны ТВ. Наряду с духовными усилиями, неустанно пробовать влиять на молодежь через физкультуру и спорт. У ВФРБ и ТК есть большой опыт привлечения юношей и девушек в свои ряды. Нужно только Государству и правительству конкретными мерами поддержать эти уже даже не идеи, а дела, передан ряд спортивных сооружений в руки спортивных федераций. В 1996 г. Касьянов Т.Р. с молодыми инструкторами рукопашного боя проехали на машинах 53тыс. км, встречаясь с главами администраций областей, мэрами городов, объясняя им спортивную политику Федерации, устраивая показательные выступления и популяризируя наш русский национальный вид спорта. География областных подразделений ВФРБи ТКобширна, и в тех районах России, где местные администрации идут на сотрудничество с Федерацией, преступность среди молодежи значительно ниже. Все вышеназванное можно рассматривать и

как прогнозы и как осуществимые мечты. Подобная политика не может не дать положительных результатов, только не надо бояться трудностей. Будет жива Россия, будем живы и мы!

Послесловие

Вот и закончена повесть, но приходит мысль о том, что многое не сказано в силу различных соображений, а в душе идет борьба и все также нет покоя. В жуткое, страшное время приходится жить, потомки будут удивляться нам, как мы терпели, а что поделаешь в то же время, ведь репрессивный аппарат в России всегда был силен. Да и какое нам дело до потомков, когда жизнь дана сейчас и ненадолго. Страна накануне XXI века, правители-уроды хапают и воруют, как перед концом света, народ же устал от обнищания и забот. Общество насквозь поражено коррупцией, дрязгами, обещаниями, которые никто не собирается выполнять. Но ведь за всеми этими делами стоят конкретные люди и даже целые группы людей, и чем их положение выше, тем безответственней ведут себя они по отношению к обществу, тем тяжелей их преступления, но никто и никогда не наказан. Ими же науськиваются кликуши разного рода, предрекающие России легкую светлую жизнь в XXI веке, но откуда… Нет, нет, и еще раз нет, не наблюдается такой тенденции к облегчению, нация сама должна задуматься, как помочь себе и державе, сделав соответствующие шаги.